

Аркадий СТРУГАЦКИЙ
Григорий ГРЕБНЕВ

МИР ИНОЙ

ПРОЛОГ

Бывают события обыкновенные, понятные, о них рассказывать легко и приятно: рассказчику верят, а героям сочувствуют. Но вот происходит нечто странное, похожее на сказку; свидетель происшествия ищет объяснения, ему кажется, что он понял, в чем дело, но людям рассказать не решается - не поверят...

Вот и история, которую я собираюсь здесь изложить, слишком невероятна, чтобы поверить в ее подлинность. Человек, рассказавший мне ее, в свое время чуть не попал в сумасшедший дом. Но я знаю этого человека лучше, чем врачи. Я могу поручиться, что его сознание всегда оставалось ясным, что он никогда не населял мир действительности чудовищными призраками, что удивительные приключения, выпавшие на его долю сорок пять лет назад, не являются плодом расстроенного воображения. Нет, кому-кому, а мне-то известно, что мой старый сосед по квартире, бывший геолог, а ныне пенсионер Григорий Николаевич Венберг не фантазер, не психопат, а человек в высшей степени трезвого, практичного, даже немного ограниченного ума.

Мы с Григорием Николаевичем частенько засиживались допоздна подле радиоприемника, и я всегда просил разбудить меня утром, ибо просыпался с превеликим трудом. Он тихонько стучался в мою дверь, затем, так как я не отвечал, принимался стучать громче. Тогда я высовывал голову из-под подушки и довольно неприветливо говорил:

- Войдите!..

Он приоткрывал дверь и бочком входил в комнату:

- Это я. Здоровы ли вы, батенька?..

Я и без того знал, что это он, но неизменно спрашивал, зевая и потягиваясь:

- Ах, это вы, Григорий Николаевич? Доброе утро!

Он приближался, озабоченно оглядывая меня и бесшумно ступая своими мягкими пантофлями. Так было и в то памятное утро. Накануне я засиделся у радиоприемника (на этот раз один, без Венберга), слушая сообщение о запуске советской космической ракеты в сторону Луны, и, конечно, проспал опять. Венберг приблизился к постели и сказал то, что всегда говорил по утрам:

- А я-то думаю, что с ним такое? Время не раннее, а он через веревку не прыгает, гимнастику не делает, в ванной под душем не фыркает. Уж не заболел ли, думаю? А вы, батенька мой, оказывается, просто святого лежебоку празднуете!

- Я поздно лег, Григорий Николаевич.

- Знаем мы ваше "поздно". Гимнастикой занимаетесь, а того не знаете, что валяться в постели вредно. Да-с. Ну, марш под душ! Живо!..

В такую минуту Григорий Николаевич всегда до того напоминал мне Карла Ивановича из толстовского "Детства", что я принимался хохотать.

- Вам недостает только кисточки на ермолке да хлопушки для мух...

- Повторяетесь, батенька. Вы мне это уже излагали. Но в этом сходстве я ничего дурного не вижу. Толстовский Карл Иванович - аккуратнейший человек. А вам, например, немного немецкой аккуратности в быту приобрести не мешало бы. Да-с...

- Ауф, киндер, ауф! Съист цайт! [Поднимайтесь, дети, поднимайтесь! Время! - Л.Н.Толстой "Детство"] - смеясь, восклицал я.

- Нун, нун, фаулинзер! Ауф! [Ну, ну, ленивец! Поднимайтесь! - оттуда же] - отвечал в тон словами Карла Ивановича мой сосед.

Мы с ним большие друзья. Я люблю этого умного, деликатного, душевного старика, и он, кажется, платит мне такой же привязанностью. Григорий Николаевич живет сейчас на пенсии, а в свое время он был крупный геолог. Он совершил много поездок в самые различные места земного шара, участвовал в интереснейших геологических экспедициях.

Кроме того, он полиглот и владеет не только всеми европейскими языками, но может объясняться на китайском, японском, монгольском, корейском языках и на нескольких индусских диалектах.

Для меня, журналиста и литературного работника, такой друг и сосед был просто кладом. Григорий Николаевич часто заменял мне энциклопедию, ибо не было такой вещи, о которой он не знал бы все или почти все...

Я поздравил его с новой большой победой советской науки и подробно рассказал о запуске советской космической ракеты. Григория Николаевича это известие взволновало необычайно.

- Значит, вырвались?.. - закричал он. - Значит, проникли наконец туда, в "мир иной"?..

Он засуетился и забегал по комнате, размахивая руками.

- А ведь я говорил, я верил, я доказывал это... Надо мной смеялись... Меня в сумасшедший дом упрятать хотели... А теперь вот!.. Смотрите! Человек уже послал в необъятный звездный мир свой космический корабль! Недалеко то время, когда и сам туда полетит!

Он остановился и посмотрел на меня горящими, странно похолодевшими глазами:

- Вы верите в это?..

- Ну конечно же!

- О-о! Я доживу до этого дня! - воскликнул он и, оглянувшись с опаской по сторонам, тихо добавил: - Больше того - я дождусь их возвращения! Они обязательно вернутся...

- О ком вы говорите, Григорий Николаевич? - с недоумением спросил я.

- Об Арнаутове, о Майгине, обо всех, кого считают погибшими... А ведь они не погибли! Сорок пять лет назад они улетели туда, куда сегодня ушла наша советская новая планета...

Я никогда не слышал ни о каком Арнаутове, ни о том, что кто-то сорок пять лет назад улетел в космос... И я никогда не видел раньше моего спокойного, уравновешенного Григория Николаевича столь возбужденным. Все в нем кипело, бурлило, ликовало, каждый мускул его лица дрожал, а глаза!.. Я давно не видел людей с такими глазами: они у него сияли, смеялись и, казалось, видели нечто столь удивительное, чего никто никогда не видел...

Я приступаю сейчас к изложению необычайной истории, рассказанной мне Григорием Николаевичем в замечательное утро, когда наша советская ракета с огромной скоростью неслась к Луне. Кроме Венберга, никто не знал этой истории. Венберг никому не рассказывал ее уже сорок три года, с тех пор, как чуть не угодил в сумасшедший дом. Но я верю каждому слову милейшего Григория Николаевича. Не верю только в то, что он когда-либо встретит друзей, которых потерял сорок пять лет назад...

ПОДЗЕМНОЕ ЧУДО

В начале 1913 года из Петербурга на Корякский полуостров была отправлена геологическая экспедиция. Целью экспедиции было исследование геологического строения горного плато на юго-востоке полуострова и определение возраста некоторых его пластов. Два геолога и один студент-практикант должны были, кроме того, обследовать район сопок к западу от плато и взять образцы изверженных пород на различной глубине.

Не приходится сомневаться, что в пути на Дальний Восток и на самом полуострове геологам пришлось пережить немало всяких приключений. Но настоящее повествование лучше все же начать с того знаменательного дня, когда один из участников экспедиции в район сопок, молодой геолог Андрей Гаврилович Майгин, сделал необычайное открытие, сыгравшее огромную роль в его жизни и в жизни других участников этой странной эпопеи.

Вместе с Майгиным в районе сопок был опытный геолог Клавдий Владимирович Берсеньев, а также молодой практикант, студент Петербургского университета Петя Благодетель, сын известного химика,

профессора Петра Аркадьевича Благосветлова.

С помощью ламутов геологи добрались до сопки Коронной - так в XIX веке называли самый большой вулкан в этом районе русские переселенцы. Местное население именovalo сопку Коронную "Огненной горой". Триста лет назад Огненная гора дымила и клочкотала, выбрасывала тучи сернистых паров, но затем умолкла, заросла низкими, кривыми деревьями.

Об этой сопке у ламутов ходили легенды. В одной из них говорилось, что бог огня и света время от времени вылетал из недр горы и уходил на небо, но затем вновь возвращался на Огненную гору и скрывался в ее раскрытой, пылающей груди... Старики из уст в уста передавали рассказ о том, как "лучезарный бог" прилетел однажды на "большом небесном карбасе". Огненная гора заревела и раскрылась, и "лучезарный бог" ушел в глубь земли. Уже много лет он спит там, но придет время, и вновь разверзнется могучая грудь огнедышащей горы, и "бог света" на большом карбасе снова взойдет ввысь, чтобы облететь всю землю, слетать в гости к луне и к солнцу...

К подножию этой легендарной сопки и прибыли весной 1913 года трое петербургских геологов. Они выбрали живописный, удобный уголок в трех верстах от горного озера и здесь, между лесом и зарослями кустарника, поставили свои палатки. Вторая геологическая партия обосновалась на севере, у подножия Анадыря...

Геологи обследовали местность и приступили к изысканиям. Майгин с Берсеньевым проследили направление и залегание лавового потока многовековой давности. Поток был занесен позднейшими наслоениями, он залегал на различных глубинах и тянулся почти на четыреста саженей от кратера. Геологам предстояло дорыться до него и взять образцы.

Пятнадцатого мая, пока Берсеньев и студент в палатке классифицировали и укладывали коллекцию минералов, Андрей Майгин в глубокой шахте прорубался сквозь слой песчаника, закрывавший доступ к лаве. Майгину тогда только что исполнилось двадцать семь лет. Это был огромный, широкоплечий человек с фигурой гладиатора и глазами безалаберного мальчишки. В узкой наклонной шахте этому великану было тесно и неудобно. Голый до пояса, он с силой обрушивал свою кирку на ноздреватые плиты и валил себе под ноги тяжелые обломки. В воздухе висела пыль и оседала на потное тело. Прицелившись, Майгин ударил киркой по острому торчащему углу. Обвалилась еще одна глыба. Майгин легонько пристукнул по тому же месту и застыл, опустив кирку: сквозь каменную пыль блеснул луч света... В первое мгновение геолог даже не понял, что это свет. Он потянул кирку к себе, но тут же остановился.

"Что за анафема? Откуда тут свету быть, на глубине в пятьдесят аршин?.."

Он сел на корточки и разгреб щебень. Да, это был свет. Настоящий дневной свет...

"Неужели я пробился наружу?"

Геолог оглянулся: вон там светлое пятно входа, шахта идет вниз под углом... Майгин был нетерпелив.

- В чем дело? - сердито сказал он вслух и с силой всадил кирку в щель, излучающую свет.

Тотчас яркий солнечный луч ворвался в шахту. Стало светло, как днем. Щурясь, Майгин нагнулся к светлому пятну, но не увидел ничего, вернее увидел лишь глубокую сияющую пустоту, такую, каким кажется небо, если человек смотрит на него против солнца...

- Андрей Гаврилович!

Майгин оглянулся. Позади стоял Петя Благосветлов. Студент таращил удивленные глаза.

- Наружу прорубились?

- Не думаю...

- Так откуда же свет? Можно поглядеть?

- Гляди... - Майгин отодвинулся.

Петя нагнулся, заглянул в светлую щель и сейчас же выпрямился.

- Чудеса, Андрей Гаврилович! - сказал он. - Будто небо. Только это не небо. Пустота какая-то. - Он озадаченно посмотрел на Майгина и снова нагнулся. - Постойте, да ведь тут стекло! Пустота за стеклом...

- Позволь-ка...

Майгин отстранил Петю и принялся расширять отверстие в песчанике.

Петя торопливо отгребал обломки. Наконец, когда было расчищено широкое окно, Майгин и Петя убедились, что перед ними действительно что-то вроде прозрачного тонкого стекла, а дальше - пустота с очень глубокой перспективой. Майгин схватил рубашку, протер "стекло" и прильнул к нему. Петя взволнованно сопел у него над ухом.

То, что они увидели, показалось им сном: под стеклом зияло глубокое полое пространство, а далеко внизу, на глубине примерно в сто пятьдесят саженей, на гладкой круглой площадке стояли... дома, небольшие красивые домики с округленными стенами и серебристыми крышами, похожими на шляпки грибов. Это был целый городок, имевший в окружности не менее двух верст, чистенький и аккуратный, словно игрушечный. Высоко над ним в полном пространстве неподвижно висели три больших сияющих шара. Казалось, что игрушечные сооружения внизу погружены в большой водоем, заполненный прозрачным светом.

Петя отодвинулся от "стекла" и протер глаза.

- Где мы находимся, Андрей Гаврилович?

У Майгина было такое же изумленное лицо, как и у него.

- По-моему, у подножия потухшего Коронного вулкана.

- А что это за город?

- Ты опередил меня, Петух. Точно такой же вопрос я хотел задать тебе.

Петя снова прильнул к "стеклу":

- Город в земле! Под нами!..

Майгин потер переносицу и медленно сказал, разглядывая покрытые пылью носки своих огромных сапог:

- Если нам с тобой не снится один и тот же сон, то это действительно какой-то город, и находится он именно в земле, под нами.

Петя вскочил на ноги:

- Надо Клавдия Владимировича позвать!

- Да, - все так же медленно сказал Майгин. - Это, пожалуй, единственное, что мы с тобой можем сейчас придумать.

Спотыкаясь об обломки и груды щебня, студент полез из шахты. Через некоторое время Майгин услышал его взволнованный тенорок и тяжелое, хриплое дыхание Берсеньева.

- Вот здесь, Клавдий Владимирович! - закричал Петя.

Берсенев, сгибаясь под низким сводом, подошел к Майгину.

- Что у вас тут, Андрей? - спросил он.

- Да вот сам не пойму. Если бы час назад какой-нибудь шутник сказал мне, что я увижу в глубине земли мираж, я стукнул бы его киркой... Но сейчас... - Майгин пожал плечами. - В общем, смотрите сами, Клавдий Владимирович.

Берсенев вынул из кармана бинокль, не спеша приблизился к таинственному подземному "окну" и заглянул в него.

Майгин и Петя молчали, переглядываясь.

- Странно! - сказал наконец Берсенев, опуская бинокль и оглядывая угрюмые стены шахты, освещенные ярким светом подземного города. - Очень странно...

Он передал бинокль Пете, который сгорал от нетерпения тоже заглянуть в чудесное "окно" сквозь бинокль.

- Да, это очень странно, чтобы не сказать больше... - вздохнул Майгин. - Это уже что-то из Жюль Верна. Геология, во всяком случае, тут ни при чем.

- На какой глубине мы находимся, Андрей?

- Саженой двадцать, не больше.

Берсенев шевельнул косматыми бровями и собрал в горсть свою густую черную бороду.

- Первая мысль у меня была, что это волшебный фонарь с рельефной диорамой и глубокой перспективой. Но нет, это не фонарь, там ясно видно пространство. Да и откуда тут, в земле, быть фонарю?

- А может быть, это какая-нибудь дальневосточная Помпея, залитая лавой тысячу лет назад?.. Черт возьми, у меня начинает разыгрываться фантазия...

- Не думаю. Наука не знает таких случаев, чтобы лава оставляла над залитым городом полое пространство.

- Клавдий Владимирович, а ведь эти лампы там не висят ни на чем!

- воскликнул Петя. - Просто стоят в воздухе без всякой поддержки.

Геологи наклонились над "стеклом".

- Вот еще и эти лампы. Если они светят, значит, там есть живые люди, которые их зажгли. Нет, Андрей, это не Помпея, - проговорил Берсеньев.

Майгину уже надоела "таинственность" подземного мира. Как человек решительный и нетерпеливый, он хотел действовать.

- Давайте-ка проломим стекло и попробуем спуститься вниз. Зачем нам голову ломать над этими тайнами, когда можно спуститься вниз и узнать все толком?

- Замечательная идея, Андрей Гаврилович! - с восторгом воскликнул Петя. - Я уже давно хотел это предложить, но не решался.

Берсеньев колебался.

- Нет, надо понаблюдать, Андрей, подождать, узнать сперва. Если там есть люди, узнать, кто они и что это за чудо. Да и вообще, если это археологическая находка, надо оставить все как есть.

Но остановить Майгина уже было невозможно.

- Не можем же мы сидеть здесь вечно и наблюдать издали!.. Нет, Клавдий Владимирович, я от этого "окна" не отойду, пока в него не влезу.

- Правильно, Андрей Гаврилович! - радостно воскликнул Петя. Он очень волновался, предчувствуя, что сейчас должно произойти нечто совершенно необычайное. - Вы ничего не будете иметь против, если я разобью это "стекло"?

Майгин расхохотался:

- Вот уж ни за что не сказал бы, что ты, Петух, стекла умеешь бить!

- Умею, Андрей Гаврилович! - стыдливо сознался студент. - В детстве я ужас сколько стекол перебил...

Он схватил лопату, размахнулся и плашмя ударил по стеклу. Раздался резкий лязг железа, и... "стекло" осталось целым и невредимым.

Юноша сконфуженно оглянулся. Берсеньев удивленно пошевелил бровями.

- Да ты что? Лопатой стекло разбить не можешь? - спросил Майгин.

Боясь, что у него отнимут лопату, Петя размахнулся изо всех сил и второй раз грохнул по "стеклу", но уже не плашмя, а ребром лопаты. Брызнули искры, но "стекло" опять осталось невредимым.

Майгин внимательно оглядел поверхность упрямого "стекла": ни единой царапинки, ни единой трещины не было видно.

- Вот это мне нравится! Ведь здесь не больше сантиметра толщины. Хотел бы я иметь посуду из такого стекла.

Берсеньев тоже внимательно оглядел "стекло"; похоже было, что он его обнюхивает, а не разглядывает...

Майгин поплевал на ладони, взял в руки кирку и лихо крикнул:

- Разойдись, народ!..

Как на ярмарке у силомера, он развернулся и мощным ударом обрушил кирку на тонкую прозрачную пленку подземного "окна". Из-под кайла вырвался фейерверк искр, похожих на маленькие молнии, но... "стекло" и на этот раз осталось целым.

Майгин выругался и бросил кирку.

- Боюсь, Андрей, что это совсем не стекло, - сказал Берсеньев, пристально разглядывая тонкую прозрачную преграду, отделявшую их от подземного города.

- А что же это? - спросил Петя.

- Не знаю. Во всяком случае, если это даже и стекло, то крепость его, очевидно, превосходит все наши представления о стекле. Но не в этом дело... Андрей, идите сюда и внимательно взгляните на стены огромного купола над этим городом.

Андрей и Петя прильнули к окну.

- Видите, как вся порода, нависшая над подземным городом, отражает свет горящих ламп? Она будто гладко отшлифована изнутри и облита какой-то прозрачной глазурью.

- Да, да! - воскликнул Петя.

- Далее, вы уже заметили, конечно, что полое пространство над

городом имеет строго правильную форму половины шара.

Майгин посмотрел на него вопросительно:

- И что же отсюда следует?

- А то следует, что вот этот кусок стекла есть не что иное, как часть огромного прозрачного купола, закрывающего подземный город от навалившихся на него пластов лавы, - строго сказал Берсеньев. - И уж если этот купол выдерживает тяжесть миллионов пудов застывшего камня, то твои удары киркой...

- Мысль оригинальная, - согласился Майгин. - И спорить против нее не приходится, если бы она была даже явно абсурдной, ибо большего абсурда, чем этот город в земле, придумать нельзя.

- А что, если это какая-нибудь тихоокеанская Атлантида? - тихо спросил Петя.

Майгин усмехнулся:

- Во-первых, это была бы уже не Атлантида, а Тихоокеанида, а во-вторых, ты, Петя, можешь сейчас фантазировать, сколько тебе захочется, и нести по поводу этого подземного феномена даже самую явную околесицу, потому что ни я, ни Клавдий Владимирович тебя не остановим за неимением данных для опровержения или подтверждения.

- Я убежден, что сплошная куполообразная сфера облегает подземный город со всех сторон, - резюмировал Берсеньев. - А отсюда, повторяю, вывод: если эта тонкая прозрачная пленка выдерживает такую толщу лавы и земли, пробить ее невозможно.

- Вы хотите сказать, Клавдий Владимирович, что она устоит даже перед динамитом? - спросил Майгин.

- Я в этом уверен. Но я возражаю против динамита, - решительно заявил Берсеньев. - Мы не имеем права здесь ничего разрушать... Мы ведь только геологи, а вслед за нами могут прийти сюда археологи.

- Это верно, - согласился Майгин.

Студент только вздохнул: ему очень хотелось немедленно добраться до подземного городка...

- Мы никогда не попадем туда! - с отчаянием сказал он.

- Клавдий Владимирович! - позвал Берсеньева Майгин, разглядывавший город в бинокль. - Взгляните... Видите там, справа, эту круглую вышку?

Берсеньев навел бинокль на вышку.

- Ну, вижу...

- Теперь возьмите чуть-чуть влево и поймите в фокус стену купола. Вон там, где кончается площадка. Не кажется ли вам, что там, в гладкой отполированной стене, виден какой-то рисунок, напоминающий двустворчатую дверь?

Берсеньев долго разглядывал эту деталь. Так долго, что Петя чуть не взорвался от нетерпения.

- Да, - сказал наконец Берсеньев. - Если эта сфера облегает город со всех сторон, она, несомненно, имела выход, и... кажется, вы правы, Андрей: я вижу там какой-то прямоугольник, похожий на дверь.

Майгин весело засмеялся:

- Ну, Петруха, наберись терпения. Будем долбить с другой стороны, пока не доберемся до этой двери. Я заставляю этот заколдованный "сезам" открыться перед нами!..

Майгин и Берсеньев решили до поры до времени сохранить свое открытие в тайне. Они знали, что на Дальнем Востоке живут и работают многие знатоки и исследователи края: Арсеньев, Кузнецов, доктор Кириллов и другие. Разумнее всего было бы связаться с ними. Но эти ученые жили в разных городах Сибири и Дальнего Востока, и Майгина и Берсеньева отделяли от них сотни и тысячи верст морского пути и таежных дорог... Между тем существовала еще и тупая и темная администрация, которая, узнав о диковинном открытии геологов, могла лишь испортить все и помешать ученым обстоятельно изучить фантастическую подземную находку.

Следовало дать знать об удивительном открытии остальным участникам экспедиции, работающим на другом участке плато, но в лучшем случае они прибудут сюда через полтора месяца - им придется пройти

труднейший путь через весь полуостров. Таким образом, чтобы поскорее прорыть ход к "двери" в прозрачной сфере, оставалось обратиться за помощью к ламутам, стойбище которых находилось всего в трех верстах от лагеря геологов. Расплатиться за помощь можно было табаком и пачками пороха и дробы.

Друзья так и решили: позвать на помощь ламутов, но свое открытие держать от них в тайне. Это были смирные и запуганные царскими чиновниками оленеводы и охотники. Но кто знает, что взбредет в голову этим темным и суеверным людям, когда они увидят подземный город? Достаточно какому-нибудь грязному и трусливому шаману ударить в бубен и завизжать, что "злой дух построил свое жилье возле их стойбища" - и смирные ламуты могут ночью перебить геологов, а ход к подземному городу завалить камнями. Берсенев поэтому предложил провести прокладку нового хода с помощью ламутов только до известной глубины, а затем отпустить их и уже дальше, до прозрачной сферы, добираться своими силами. Одновременно Берсенев решил послать одного из ламутов с запиской к Нине Росс и Венбергу, работавшим в группе на другой стороне плато.

На переговоры с ламутами, на точное определение направления и глубины второй наклонной шахты и на подготовку к рытью ушло три дня. Собственно говоря, всеми этими делами занимались исключительно Майгин и Берсенев. Петя же целыми часами просиживал в старой шахте подле прозрачной сферы. Вооружившись биноклем и темными очками, он разглядывал таинственный безлюдный городок в толще лавового пласта. Картины одна другой фантастичнее проходили перед его умственным взором... Кто знает, может быть, давно-давно, тысячи лет назад, вдали от Египта, Месопотамии, Индии и Китая, вдали от всех древних колыбелей человеческой культуры, на далеком Севере, может быть, даже на каком-нибудь не открытом еще материке у полюса, существовало могучее цивилизованное государство... И египетские мудрецы по сравнению с учеными этого государства были... ну, вроде нынешних австралийских папуасов по сравнению с учеными Санкт-Петербургской Академии наук, парижской Сорбонны и Британского королевского научного общества. Люди жили в этом государстве необыкновенно интересно, создавали какие-то дикий машины, строили прекрасные города и маленькие чудесные поселки. Вот там, внизу, - это один из таких поселков. Они решили построить его на полуострове. Возможно, что это был аванпост их государства, самый южный. Может быть, они не выносили нашего умеренного климата и жили только в высоких широтах. И были эти люди красивые, рослые, здоровые, гордые и независимые... А почему "были"? Что, если они благоденствуют и сейчас? Может быть, наш мир кажется им слишком примитивным и неинтересным и они не общаются с нами. Все может быть...

Фантазируя таким образом, Петя не забывал разглядывать таинственный городок внизу: он заметил, что в нем не было улиц - маленькие красивые домики располагались концентрическими окружностями, а в центре возвышалось большое сооружение с куполообразной крышей.

Всего в городке насчитывалось тридцать четыре сооружения, но не все они могли быть названы "домиками". Были среди них и вертикально поставленные цилиндры, и высокие граненые башни, и косо срезанные пирамиды. Петя никак не мог понять, из какого материала все эти сооружения построены. Во всяком случае, не из дерева и не из кирпича. Вряд ли это был и какой-нибудь минерал. Металл?.. Но, если бы это был металл, думалось Пете, строения не казались бы такими мягкими, матовыми, легкими. Почва, на которой стояли домики, цветом напоминала до блеска отшлифованный гранит или темный мрамор. А все вместе выглядело так, словно какой-то гигантский ребенок расставил на лакированной крышке стола свои любимые игрушки.

Но особенно долго и пристально разглядывал Петя сквозь темные очки и бинокль шары, неподвижно висевшие высоко над городком и испускавшие яркий, почти дневной свет. Никаких нитей, прикрепляющих их к прозрачной сфере, никаких даже тончайших шестов, на которых они могли быть вознесены, Петя не обнаружил. Если в куполе был воздух, то они свободно плавали в воздухе, хотя даже слово "плавали" не годилось здесь - шары стояли в этом воздухе, стояли неподвижно, как впаивные. И

впечатлительному студенту они казались самым поразительным из всего, что он успел разглядеть в этом "форпосте древней северной цивилизации".

Тем временем ламуты под руководством Майгина вооружились самодельными кирками и заступами и приступили к рытью второй шахты. Дни шли в кипучей работе. Шесть ламутов и двое участников экспедиции с утра до ночи рыли землю и туф, взрывали гранитные глыбы, встречавшиеся на пути, таскали из шахты породу. По расчетам Берсеньева, предстояло прорыть ход в два аршина шириной, в три аршина высотой и примерно около восьмидесяти саженей в длину. Это была очень тяжелая работа. Но ламутов воодушевляло желание получить драгоценный порох, геологи же стремились поскорее добраться до заветной двери в неведомый мир, и потому работа спорилась и двигалась успешно,

Вечером первого июня, когда ламуты отложили свои заступы и собрались вокруг костра, над которым уже висел большой жестяной чайник, Берсенев позвал Майгина в палатку и сказал:

- Андрей, ламутов пора отпустить.
- Вы думаете, мы близки к цели?
- Да. Я сегодня произвел последние вычисления. До конца осталось пройти сажени три мягким туфом. Мы сами закончим ход завтра же.

Майгин промолчал, затем осторожно спросил:

- А может быть, не отпускать их совсем?.. Как вы думаете, Клавдий Владимирович, не понадобятся ли они нам еще?

- Вы боитесь, что мы ошиблись направлением? - быстро спросил Берсенев.

Присутствовавший при этом разговоре Петя охнул: мысль о том, что они рыли ход не в том направлении, даже в голову ему не приходила.

- Клавдий Владимирович, как же это так? Неужели придется начинать все снова? - с отчаянием воскликнул он.

- Только без паники, Петя! - строго сказал Майгин. - Не придется. Клавдий Владимирович никогда не ошибается.

Берсенев усмехнулся:

- Нет, конечно, осторожность не помешает. Объявите, Андрей, ламутам, что завтра у нас праздник и поэтому мы отпускаем их в стойбище на один день. Ну, а потом будет видно.

Майгин раздал землекопам порох и дробь; ламуты быстро собрали свои пожитки и покинули лагерь. Лишь один из них задержался и, оглядываясь по сторонам, дребезжащим козлиным голосом стал звать:

- Нэнэ! Нэнэ!

Но никто не откликнулся. Ламуты остановились поодаль и стали ждать товарища, а он все ходил вокруг палатки и звал:

- Нэнэ! Нэнэ!

Петя вышел из палатки.

- Вы кого зовете? - спросил он.
- Моя сына нэт. Нэнэ нэт, - сказал ламут.
- Ах, Нэнэ, ваш мальчик?

Петя принялся искать вместе с ламутами.

- Куда же он девался? А может быть, он вперед убежал? Как вы думаете? Он у вас непоседа.

Кривоногий, косоглазый мальчуган, явившийся в лагерь вместе с отцом, принимал в работах самое деятельное участие: носил воду, варил чай и часто забавлял геологов потешными выходками.

Ламуты окликнули отца Нэнэ, и между ними завязался быстрый громкий разговор на родном языке. Очевидно, товарищам удалось убедить отца мальчика, что Нэнэ убежал вперед.

Скоро над лагерем медленно спустился темный и вместе с тем прозрачный полог летней ночи. Это была одна из тех благодных ночей, которые так часты на Дальнем Востоке. Воздух был чист и неподвижен, лишь изредка откуда-то издалека, от берега Тихого океана, как вздох спящего великана, долетал легкий соленый ветерок. Вдали в кустарнике часто и дробно перекликались звонкие пичужки-чечетки. Над палатками бесшумно вились тучки мошкары. Тишина мягко окутала маленький лагерь геологов... Внезапно из глубины палатки, маскировавшей вход в первую

шахту, донеслись глухие крики:

- Стой! Мальчик! Постой! Куда ты?

Из палатки стремительно выскочил растрепанный грязный мальчишка-ламута, и вслед за ним, запыхавшись, вывалился Петя. Мальчик пробежал несколько шагов, но Петя догнал его, схватил за плечо и потащил к палатке Берсеньева.

Оба геолога, привлеченные шумом, вышли ему навстречу. Студент подвел к ним мальчика.

- Это Нэнэ, сын ламута Нукэ. Я нашел его у "окна" в старой шахте.

- Как он туда попал? - строго спросил Берсеньев.

Петя пожал плечами:

- Не знаю. Я только на минуту оставил вход в шахту открытым, он и прошмыгнул. Вхожу, вижу - сидит подле "окна", нос об "окно" приплющил и таращит глаза. Я его за руку схватил, а он от меня...

Майгин с досадой сплюнул:

- Анафема! Ну что теперь с ним делать?.. Уйдет в стойбище, разболтает. Мало того, что ламуты копать перестанут, еще и напакостить могут...

- Андрей, ну зачем вы его ругаете? Это очень хороший мальчик! - Голос Берсеньева звучал непривычно ласково. - Как тебя зовут? Нэнэ? А-а! Очень хорошо! Петя, да отпустите вы его руку, зачем вы его держите?

Петя удивленно поглядел на Берсеньева, затем на Майгина и отпустил маленького ламута. Тот потер руку и недоверчиво глянул на Берсеньева, дружески трепавшего его по плечу.

- Ты мне всегда нравился, Нэнэ, - продолжал берсеньев. - Хочешь я тебе сахару дам? Ты любишь сахар?.. Сахару не хочешь? А что же ты хочешь?

- Отец иду... Яранга иду, - угрюмо сказал Нэнэ.

- Домой хочешь? Жалко. А я хотел тебя здесь оставить. У нас хорошо: сахар есть, мясо есть. А потом, - Берсеньев таинственно подмигнул ламутенку, - мы с тобой туда пойдем, - он кивнул в сторону шахты. - Там красивое стойбище есть. Ты видел?..

Глаза у мальчика загорелись. Он кивнул головой.

- Завтра пойдем туда. Хочешь?

- Хо... чешь... - решительно повторил Нэнэ.

- Ну, вот и отлично! Только ты домой не ходи. Уйдешь - не возьму с собой в красивое стойбище. Петя, - обратился Берсеньев к студенту, - поручаю вам это дитя природы. Присматривайте за ним, а завтра утром, - перед тем как приступить к работе, еще раз сводите его в шахту, пусть полюбуется... Ну, Андрей, первый инцидент, кажется, улажен, - обратился Берсеньев к Майгину, когда Петя, дружески обняв маленького ламута за плечи, повел его в палатку. - Теперь он ни за какие коврижки не уйдет отсюда. Его голова еще не забита суевериями, а то, что он увидел там, внизу, видимо, пленило его на всю жизнь.

- Так же, как и меня, - задумчиво сказал Майгин.

- Да, так же, как и нас, - в тон ему сказал Берсеньев.

МАЛЕНЬКИЙ КОЛДУН

Рано утром друзья принялись за работу. Новый член экспедиции, маленький ламута Нэнэ, деятельно помогал им. Вместе с Петей он таскал в мешках породу и охотно поддерживал со студентом разговор при помощи нескольких исковерканных русских слов, которым он успел обучиться.

Когда за Нэнэ явился отец, мальчик наотрез отказался идти домой, и Майгин без труда уговорил ламута Нукэ оставить сына "погостить".

В полдень сделали перерыв на обед, во время которого Нэнэ, набив рот сахаром, потешал геологов своим рассказом о том, что он видел в шахте.

- Много... огонь! - говорил Нэнэ, причмокивал от двойного удовольствия - от сахара и от воспоминания о "красивом стойбище". - Огонь! Еще огонь! Еще огонь! - И мальчик поднял три пальца.

- Подсчет правильный, - комментировал Майгин. - Источников света

ровно три.

- Много яранга... Кароши яранга. Я там иду?... А? - спросил мальчик, вопросительно глядя на Берсеньева.

- Конечно, пойдешь. Я обещал, - с доброй усмешкой ответил Берсеньев. - Ну, друзья, обед кончен, приступим к работе...

Работа возобновилась. Через два часа лопата Майгина стукнулась обо что-то твердое. Звук удара был звонкий, словно железо стукнуло о железо, и все сейчас же остановились, повернувшись к Майгину. Майгин нагнулся, повозился у себя под ногами и вытащил серый круглый шар величиной с кулак.

- Что это? - спросил Берсеньев.

- Не знаю... Шар какой-то...

Майгин поднес к фонарю свою находку.

- Вещица вроде бы стеклянная. Надо разглядеть получше. Пойдем наружу.

- Нет. Отложите, Андрей, в сторону, потом рассмотрим. Сейчас надо рыть, рыть.

Майгин беспрекословно отложил находку и снова взялся за лопату.

- Но это хорошо, что мы уже нашли кое-что, - рассудительно сказал он. - Мы, очевидно, в нескольких шагах от входа.

Не прошло и десяти минут, как его удивленный возглас вновь заставил всех прервать работу.

- Клавдий Владимирович! Возьмите фонарь, идите сюда!

Берсеньев подошел, держа фонарь в поднятой руке.

- Кость?

- Человеческая... - добавил Берсеньев и наклонился над желтой костью, торчащей из обломков туфа. - Берцовая кость! Любопытно... Но где есть берцовая кость, там должна быть и голень и весь скелет.

Геологи принялись осторожно отваливать туф вокруг кости и вскоре обнаружили весь скелет. Это был костяк человека очень высокого роста. Геологи обнаружили его в горизонтальном положении. Вероятно, человек этот погиб, застигнутый какой-то катастрофой. Он лежал ничком, руки его были раскинуты в стороны, а голова повернута набок.

Геологи вынесли останки на поверхность земли и здесь, недалеко от входа в шахту, сложили на траву. Рядом со скелетом Майгин положил найденный шар.

- Ну вот, мы и встретились с первым обитателем "красивого стойбища", - сказал Майгин. - Думаю, что смерть настигла его неожиданно.

- За работу, друзья! - нетерпеливо сказал Берсеньев. - Еще несколько шагов, и мы войдем в подземный город...

Снова вонзились кирки и лопаты в темную стену подземного хода, снова Петя и Нэнэ взялись за мешки...

День близился к концу. Нэнэ и студент уже устали, они все чаще садились на камень у входа в шахту, чтобы перевести дух и подышать свежим воздухом. Обнаженный до пояса, потный и перепачканный Майгин уже тяжело ухал, врубаясь киркой в каменную "пробку", встретившуюся ему на пути. Берсеньев мрачно сопел, молча отгребая обломки. Наконец он остановился:

- Пойдите, Андрей.

Майгин опустил кирку и оглянулся.

- Мы прошли уже не три, а пять саженей.

- Ну и что же?

- Выйдите и отдохните, а я проверю свои расчеты. Я, кажется, ошибся.

- Ерунда! Три сажени больше, какая разница? Действуйте, Клавдий Владимирович, и уверен, что осталось немного.

- Ребята устали. Вечер на дворе. Отложим до завтра.

Майгин схватил кирку.

- Ни за что! Пусть ребята отдыхают, ложитесь спать и вы, если хотите, а я буду рыть. Всю ночь буду рыть, пока не свалюсь или не доберусь до этой анафемской двери.

- Но ведь я мог ошибиться, - попытался возразить Берсеньев.

Несмотря на усталость, ему и самому не хотелось бросать работу.

- Не поверю. Я знаю вас пять лет, я учился у вас, Клавдий

Владимирович. Если бы расчет сделал я, ошибка была бы возможна, но вы?..

Берсеньев вышел из шахты. Он велел Нэнэ и Пете кончать работу и отправляться спать. Но и здесь он наткнулся на сопротивление.

- Как! - возмутился Петя. - Вы хотите войти в подземный город без нас? Ну нет, Клавдий Владимирович, с этим не только я, но и Нэнэ не согласится.

Мальчишка, видимо, понял, о чем идет речь. Он энергично замотал головой и ткнул пальцем в землю.

- Там... иду... - твердо сказал он.

В эту минуту из шахты донесся далекий глухой крик Майгина:

- Клавдий Владимирович!

Берсеньев, Петя и Нэнэ бросились в шахту и уже с первых шагов поняли все: через длинный, узкий подземный ход тянулись пыльные яркие лучи. Падая, спотыкаясь о камни и стучась головой о низкий потолок хода, Берсеньев добрался, наконец, до Майгина. Тот стоял у окна, прорубленного им у самой прозрачной сферы, и, жадно припав к этой маленькой пока еще щели, разглядывал подземное чудо. Когда Берсеньев подошел, Майгин обернулся к нему с сияющим лицом и обнял его.

- Ну, что я вам говорил? Мой Клавдий Владимирович не из тех, кто ошибается.

Подросли и Петя с Нэнэ. Они тотчас же по очереди стали глазеть в щель, оглашая шахту восторженными восклицаниями.

Когда первые восторги улеглись, друзья снова взялись за работу и скоро превратили щель в большую светлую витрину, за которой маленький пещерный город стоял так близко, что до ближайшего домика его, казалось, можно было бы добежать в четверть минуты.

Тут обнаружилось, что подземный ход не привел к прямоугольнику, который наши подземные путешественники принимали издали за дверь, когда разглядывали прозрачную сферу сверху. Но через полчаса, отбегивая у застывшей лавы все новые футы прозрачной сферы и расширяя свою "витрину", неутомимые землекопы добрались до темной грани, уходящей вверх сажени на полторы. Вскоре открыта была вся "дверь", и перед нею солидное пространство, достаточное для того, чтобы створки "двери" распахнулись, если они могли распахиваться вообще.

Берсеньев тщательно обследовал "дверь": это были две высокие и достаточно широкие плиты из того же прозрачного вещества, что и вся сфера. Петель они не имели, но у внешнего края каждой створки виднелась какая-то тоненькая синенькая трубка. Возможно, это были оси, на которых створки поворачивались. Стык створок соединяла металлическая полоса. Ни замка, ни щели для ключа геологи в "двери" не обнаружили.

Майгин размахнулся и грохнул киркой по металлической пластинке. Эффект был тот же, что и при пробе сил на веществе прозрачной сферы: пучок ослепительных маленьких молний - и ни единой царапины.

- Нет, придется вам, Андрей, сегодня все-таки переночевать в своей палатке, - сказал Берсеньев. - Мы достигли своей цели, друзья, и на сегодня с нас хватит. Все мы очень устали. Идемте пить чай и спать. Утро вечера мудренее. Завтра, может быть, придумаем, как открыть без ключа эту дверь.

На другой день Петя и Нэнэ еще до завтрака юркнули в новую шахту, а Берсеньев и Майгин принялись осматривать найденный скелет. Кости были темные, почти коричневые - должно быть, они пролежали в толще лавы многие столетия.

Да, это были останки человека. Но даже не изучавший анатомию Майгин сразу обнаружил в них значительные отклонения от строения нормального человеческого скелета. Прежде всего он был громаден - в полтора нормальных человеческих роста. Руки были чрезвычайно длинные, так же как и ноги, с тонкими фалангами пальцев, по шести на каждой конечности. Плечевые кости узкие, ключицы хрупкие, грудная клетка плоская, с десятью ребрами с каждой стороны. Но особенно примечателен был череп: большая черепная коробка с непомерно высоким лбом свидетельствовала о том, что мозг, заключавшийся когда-то в ней, был

очень велик.

С минуту оба геолога молчали.

- Великан! - сказал Майгин. - И голова как пивной котел.

- А косточки хрупкие, - заметил Берсеньев. - Но почему у него двадцать ребер и две дюжины пальцев? Странно...

- Может быть, просто урод?

- Бог его знает... Нет, вряд ли. Какая-то другая раса...

- Загадки, загадки...

Друзья помолчали.

- Ну, что же дальше? - спросил Майгин. - Я прямо ума не приложу, как нам открыть анафемскую дверь в этом сказочном граде Китеже!

- Не знаю, Андрей. Мне никогда не приходилось без ключа открывать чужие двери... да еще такие двери.

- Но ведь он-то входил в эту дверь? - Майгин кивнул на скелет. -

А в том, что он оттуда, я трижды уверен. Кстати, вы обратили внимание, Клавдий Владимирович, что шар, который мы подле скелета нашли, сделан из такого же стекла, что и прозрачная сфера? Только он матовый.

- Да.

- Держу пари, что в этом шарике как раз и запрятан секрет управления дверью.

- Все может быть...

Майгин поднял шар, лежавший подле скелета, и осмотрел его.

Это была небольшая легкая вещица, как уже было сказано, величиной с кулак. Никаких отверстий в ней не было, если не считать углубления, плотно закрытого круглой металлической пластинкой, похожей на гривенник. Кроме того, у шара было круглое плоское доньшко. Вот и все. Никаких кнопок, ничего такого, что открывало бы его или открывалось в нем.

- Тайны! Сплошные тайны! - воскликнул Майгин. - Все это меня чертовски интригует. Но, честное слово, Клавдий Владимирович, ведь мы даже перед этим шаром только руками разводим. А что будет дальше? Что будет, если нам удастся проникнуть в этот заколдованный город? Там нас, наверное, такие загадки ждут, что голова кругом пойдет.

Берсеньев хотел что-то ответить, но вдруг послышался далекий крик. Он доносился из глубины новой шахты. Оба геолога бросились туда и в нескольких шагах от входа столкнулись с Петей.

- Дверь!.. - задыхаясь, крикнул студент. - Клавдий Владимирович! Дверь!

- Спокойно, Петя. Что случилось? - спросил Берсеньев.

- Дверь открылась! Идемте скорее!

Майгин оттолкнул Петю и молча пополз вперед. Берсеньев и Петя последовали за ним.

- Как же она открылась? - спросил на ходу Берсеньев.

- Ее... открыл... Нэнэ... - прерывающимся голосом выкрикнул Петя.

- Что?

- Потом... Потом! Скорее!

Они прибежали к прозрачной сфере, и то, что Майгин и Берсеньев увидели, озадачило их, пожалуй, не меньше, чем луч подземного света, внезапно брызнувший месяц назад в первой шахте: обе половинки двери были широко распахнуты, и никого подле нее не было...

- А где же Нэнэ? - спросил Майгин.

- Там... - сказал Петя. - Я видел издали, как он открыл дверь и вошел в город.

- Куда же он провалился?.. - Майгин повернулся к Берсеньеву. - Куда вы, Клавдий Владимирович?

Берсеньев, держась за прозрачный "косяк", осторожно ступил ногой на плотную блестящую поверхность, напоминавшую гладко отшлифованный темный мрамор.

Но здесь автор воспользуется минутой нерешительности, заставившей наших геологов остановиться на пороге подземного города, и расскажет, как случилось, что дверь в прозрачной сфере, заколдованная дверь, к которой не было ключа, вдруг открылась...

Когда студент и Нэнэ пришли утром к двери в прозрачной сфере, Петя, полюбовавшись немного недосыгаемым городом, решил убрать из шахты ненужный теперь инструмент - лопаты и ломы. Он вынес их, а

вернувшись минут через пять, еще издали заметил, что Нэнэ занят какими-то странными манипуляциями. Маленький ламут собрал кучу щепок подле двери, зажег костер и стал медленно ходить вокруг, кривляясь и изгибаясь при этом всем телом.

Петя остановился и, прислонившись к стене, стал наблюдать за мальчишкой. Нэнэ ходил вокруг костра все быстрее и быстрее, приседая и подпрыгивая на ходу, затем схватил жестянку, валявшуюся на полу, ударил в нее кулаком и гнусавым голосом запел что-то по-ламутски.

Сначала студент решил, что мальчик сошел с ума. Петя хотел уже бежать за Майгиным и Берсеньевым, но вдруг вспомнил, что совсем недавно, когда они ходили нанимать ламутов, точно такую же картину видел он в ламутском стойбище: ламутский кам, шаман, прыгал вокруг костра, потрясая бубном, и гнусаво пел. Он "камлал", то есть изгонял злого духа, вселившегося в больную старуху.

Петя едва удержался, чтобы не расхохотаться. Маленький ламут, старательно подражая шаману, точно так же прыгал вокруг костра и колотил в жестянку: очевидно, Нэнэ был уверен, что ему удастся изгнать злого духа, который вселился в эту дверь и не пускает его в "красивое стойбище".

"Позвать Майгина и Берсеньева? - мелькнуло в голове у студента. - Нет! Пока я сбегаю, он уже кончит камлать".

Нэнэ тем временем кружился все быстрее и уже не пел, а выкрикивал гортанным голосом какие-то слова. Дым от костра мешал ему дышать и ел глаза, но он отважно продолжал камлать - несомненно, малыш твердо верил в свои заклинания.

Но вот костер погас, от него осталась груда угольков под пеплом, и тут Нэнэ внезапно остановился. Петя видел, как он наклонился над костром, выхватил рубиновый уголек и, перебрасывая его на ладонях, поднес к металлической полосе на "двери". Все дальнейшее показалось студенту галлюцинацией: две высокие прозрачные створки стали раскрываться перед маленьким кривоногим дикарем. Они раскрывались медленно и торжественно, как раскрываются перед послами великой державы двери тронного зала в царском дворце. Это было так невероятно, что Петя даже зажмурился. Когда он снова открыл глаза, Нэнэ стоял перед раскрытой дверью, несколько не смущенный совершенным чудом. Он набрал в свою жестянку углей (очевидно, на всякий случай, чтобы защитить себя от злого духа) и спокойно переступил порог подземного города.

Петя бросился к выходу, чтобы позвать Майгина и Берсеньева. Дальнейшее читателю известно.

Итак, то, чего они добивались, чего с нетерпением ожидали и в чем уже отчаялись, совершилось: створки прозрачной двери распахнулись перед ними... Но геологи не решились перешагнуть порог. Странное выражение: "порог города"... Да и город ли это?

- Ну что же, войдем и мы под своды таинственного мира, - с наигранной беспечностью сказал Берсеньев и шагнул в открытую дверь. За ним торопливо двинулся Майгин и тотчас же наклонился, вглядываясь в безукоризненно чистую, сверкающую "почву". На плотной блестящей поверхности видны были пыльные следы маленьких чунок.

- Следы Нэнэ, - сказал он. - Мальчишка действительно где-то в городе.

Петя, поколебавшись секунду, догнал старших товарищей. Студент не мог понять, что с ним происходит. Но он как-то сразу притих, ему стало не по себе, когда он наконец ступил на территорию "форпоста северной цивилизации"...

ЖИВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Геологи сделали всего несколько шагов и почувствовали, как в их легкие влился здоровый, свежий воздух. После пыльной, сырой атмосферы шахты здесь дышалось особенно легко.

Майгин поднял голову. Одно из трех "солнц", освещающих подземный мир, неподвижно висело в зените. Майгин сказал задумчиво:

- Пласт старый, выхода отсюда не было, но ведь жить здесь кто-нибудь должен?
- Почему вы так думаете? - спросил Берсеньев.
- То есть как - почему? А лампы? По-вашему, они зажигаются сами собой?

Берсеньев пожал плечами:

- Не знаю... Может быть, они горят здесь вечно? Вообще, эти лампы... Вы обратили внимание, какой от них странный свет? Про него не скажешь "ослепительный"... Какая-то всепроникающая прозрачность...

Майгин не ответил, он уже весь ушел в исследование следов Нэнэ. Следы вели к ближайшему светло-голубому "коттеджу" с серебристой круглой крышей.

- Нэнэ в том доме.

Петя поднял черный уголек.

- Андрей Гаврилович, смотрите! Здесь на полу ни одной пылинки нет, а вот лежит уголек!

- Чучело! Он и тут камлал! - с восторгом воскликнул Майгин.

Петя положил уголек в карман, и они двинулись дальше. Их никто и ничто не задерживало, но все трое шли медленно, неуверенно передвигая ноги по сверкающему полу. Так, вероятно, делали свои первые шаги по "Наутилусу" герои Жюль Верна...

Неожиданно геологи остановились и прислушались. В безмолвие просачивались какие-то глухие звуки, похожие на мерный рокот прибоя. Петя затаил дыхание: легкие вздохи незнакомой мелодии слышались ему.

- Музыка? - громко сказал Майгин и сразу же вывел заключение: -

Здесь кто-то есть...

Берсеньев промолчал.

Безлюдье подземного мира, однако, не казалось угрожающим. Трудно было поверить, что в этом мире прозрачного сияния, музыкальной тишины и гармоничного миража голубых "коттеджей" таилась угроза случайному гостю...

Петя вдруг остановился и дотронулся до локтя Майгина.

- Андрей Гаврилович, а ведь окон в этом доме нет... - нерешительно сказал он.

- Зато есть дверь, и с нею у нас будет столько те возни, сколько с первой дверью, - Майгин неодобрительно уставился на закрытую дверь дома.

Берсеньев указал на пыльные следы чулок:

- Следы ведут к двери, Нэнэ вошел в дом через нее.

Майгин обернулся к Берсеньеву.

- Если эта дверь заперта, Клавдий Владимирович, камлать придется вам, - серьезно сказал он.

- Почему мне?

- Вы со своей черной бородищей скорее испугаете злого духа.

Петя расхохотался, но вдруг поперхнулся и замолк: дверь плавно ушла вниз, куда-то в порог.

- Вот это приятно, - сказал Майгин. - Сразу видно, что мы попали к культурным и гостеприимным людям.

Но, как ни старался шутить Майгин, ему было не по себе. Все это слишком походило на волшебные сказки о заколдованных замках. Он посмотрел на своих спутников. Петя был бледен, а Берсеньев собрал на переносице такие складки, будто решал сложнейшую математическую задачу.

Когда они вошли в дом, едва слышная музыка совсем затихла. Они стояли посреди большой высокой комнаты, в нерешительности оглядываясь по сторонам. Ни звука, ни шороха не доносилось к ним из других комнат красивого безмолвного "коттеджа". В комнате была мебель: круглый стол, окруженный креслами, похожими на троны, массивные, наглухо закрытые шкафы, а по углам на низких пьедесталах стояли... явные саркофаги с белыми овальными экранами [слово "экран" употребил в своем рассказе Венберг; в тринадцатом году геологи называли эти предметы "белыми зеркалами"] вместо надгробных плит.

Все здесь было преувеличено и рассчитано на более чем рослых людей: так, на одном "троне", например, могли свободно усесться два Пети.

Пол был покрыт словно темным линолеумом, но также блестящим, а

потолок флуоресцировал, ежесекундно меняя цвет. Ни картин, ни иных украшений на матовых светящихся стенах не было.

Запыленные, небрежно одетые геологи вдруг почувствовали себя неловко в этой обстановке строгой и безупречной чистоты. Майгин крикнул и почему-то поглядел на свои черные, обломанные ногти, а Петя стал поспешно застегивать воротник на несуществующую пуговицу. Затем, словно очнувшись, они обменялись смущенными улыбками и стали отыскивать на зеркальном линолеуме пыльные следы Нэнэ; в конце концов их вторжение имело оправдание: они искали исчезнувшего мальчика.

Следы повели их вокруг стола, накрытого скатертью, мерцающей зеленоватым светом.

"Странно! Здесь все сверкает, блестит и светится", - подумал Берсеньев, и вдруг, будто отвечая его мыслям, белая овальная пластина над одним из "саркофагов" также засветилась, и на ней появилось узкое бледное лицо человека... Это было изображение, но изображение объемное, рельефное, необычайно реальное. И что особенно поразило старого геолога - это большие серые широко открытые глаза. Они были живые и смотрели внимательно и серьезно, будто ожидая, когда Берсеньев заговорит... Совершенно машинально геолог снял свою выцветшую фетровую шляпу и поклонился незнакомцу. Незнакомец моргнул мохнатыми красными ресницами и продолжал внимательно смотреть на него. Геолог смущенно оглянулся на друзей. Те уже стояли за его спиной и тоже молча смотрели, Майгин - с большим любопытством, студент - в величайшем смятении.

- Не понимаю - это фотоснимок или живой человек? - пробормотал Берсеньев.

Майгин шагнул вперед, и тотчас незнакомец перевел взгляд на молодого геолога.

- Разрешите представиться... - Майгин на миг замялся: "Кто это, мужчина или женщина?.." Лицо, скорее всего, принадлежало мужчине, об этом говорили решительные, почти резкие его черты и короткие золотистые волосы, - сударь, - сказал Майгин.

Но тут лицо исчезло, и вместо него на экране заструились вниз какие-то иероглифы.

- Разговаривать не изволят, - сконфуженно произнес Майгин.

- Конечно же, синематограф, - уверенно сказал Берсеньев.

- Синематограф? - Майгин недоверчиво покачал головой. - А почему он тарашил глаза сперва на вас, а потом на меня?.. Я нигде в синематографе не видел, чтобы актер разглядывал с полотна публику, всегда было наоборот... И потом, где проекционный аппарат?

Берсеньев промолчал. Замечания Майгина были резонными. Старый геолог обошел "саркофаг" вокруг и сказал наконец:

- Тонкая механика...

У Пети мелькнула какая-то догадка. Он стал приближаться к другому "саркофагу", но не со стороны экрана, а сбоку. Экран оставался слепым. Неожиданно студент шагнул вперед, и экран мгновенно ожил. На нем появилось лицо... Тут гадать уже не пришлось, это была женщина. Петя даже побледнел от волнения. Такого лица он никогда не видел. Сказать о нем, что оно "красивое", значило ничего не сказать...

Взглянув на возникший на экране образ женщины, Петя подумал: "Снег и небо"... Высокий лоб обрамляли волосы, похожие на взметнувшийся и застывший снежный сугроб. Тени на лице отливали легкой синевой. У мочек ушей сверкали две капли каких-то неведомых драгоценных камней. Но и на этом лице самым примечательным были глаза. Неестественно огромные, они казались перенесенными с парусов таитянских каноз... Большие ресницы обрамляли огромные белки с фиолетовым оттенком, какой встречаешь лишь на виноградинах, а в ясно очерченных бирюзовых геммах зрачков мерцали темные точки... Глаза были полны внимания. Они ждали... но чего? Если юноша, на которого устремлен их взгляд, скажет что-нибудь, женщина все равно не поймет его языка. И Петя молчал. Лишь одна мысль сверлила его мозг:

"Не исчезай!.. Смотри на меня!.."

Лицо на экране дрогнуло, помутнело, еще миг - и оно исчезло бы, но Петя закричал мысленно:

"Нет! Нет!.. Еще!.."

И лицо вновь отчетливо засияло на экране, лишь глаза расширились, будто от удивления...

Юноша не помнил, сколько времени он смотрел в синюю бездну глаз. Наконец он не выдержал и отступил. Тотчас изображение на экране померкло.

Майгин и Берсеньев с напряженным вниманием наблюдали за обоими лицами: за лицом на экране и за полным смятения лицом юноши.

- Ну что? - спросил Майгин. - Налюбовался?..

- Нет, не налюбовался, - со вздохом произнес Петя и тут же сообщил своим друзьям: - А вы знаете, когда она стала исчезать, я мысленно приказал ей остаться, и она вновь появилась...

- Ого! Это уже что-то из области оккультных наук! - воскликнул Майгин.

- Ты приказал изображению? - насмешливо спросил Берсеньев.

Петя ничего не ответил.

- "Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит..." - процитировал Майгин пушкинские строки.

Берсеньев подошел к массивному литому шкафу без дверей, и шкаф замигал множеством разноцветных глазков.

- Подмигивают! - пробормотал Майгин. - Они, видимо, знают то, чего не знаем мы...

Но Берсеньев уже "вернулся на землю" и снова занялся следами Нэнэ.

Мальчик обошел вокруг массивного круглого стола. Далее следы вели к стене. Здесь на полу валялась жестянка с углями, но сами следы исчезали, словно Нэнэ испарился, или прошел сквозь стену, оставив после себя только свою магическую жестянку.

Геологи обошли весь дом, все его пять комнат, больших и маленьких, уютных, высоких и светлых, уставленных массивной и в то же время изящной мебелью. В одной комнате они нашли постель, устланную легкими белыми тканями. Здесь были и какие-то странные вещи, назначение которых осталось непонятным. На стене висел красивый резной, словно из слоновой кости сделанный, ящик. Майгин чувствовал себя в чужом доме и не рискнул открывать его, но едва он протянул руку, чтобы потрогать ящик, дверца сама раскрылась, и он увидел множество ячеек с крошечными мотками прозрачной пленки. Видимо, это была фонотека, но Майгин, человек второго десятилетия XX века, этого не знал.

Здесь же, в "спальне", Берсеньев нашел легкий шар из матового стекла, такой же, какой был найден вчера подле скелета.

Никаких признаков живых существ найти не удалось. Следы Нэнэ, первого человека, проникшего в этот загадочный дом, исчезали каким-то необъяснимым образом перед глухой стеной.

Геологи трижды обошли весь дом, но Нэнэ нигде не было.

- А может быть, он уже перекочевал в другой дом, туда, где играет музыка? - спросил Майгин, когда Берсеньев с лупой в руках в последний раз обследовал следы в комнате.

- Нет! - решительно сказал Берсеньев. - Он мог уйти только спиной к двери, ступая на свои следы пятками вперед. Но вряд ли он стал бы этим заниматься.

- Он мог вытереть ноги на этом месте и дальше пойти, не оставляя следов, - нерешительно предположил Петя.

- Нэнэ никогда в голову не придет вытирать ноги. Он отродясь этого не делал. Да и зачем ему от нас скрываться? - возразил Берсеньев.

- Не нравится мне это загадочное исчезновение, - угрюмо сказал Майгин. - У меня такое впечатление, что тут кто-то притаился и ведет с нами какую-то игру...

А тем временем легкая, как дуновение теплого ветерка, странная и грустная музыка все еще звучала в воздухе подземного города. Увлеченные поисками мальчика, геологи выключили ее из своего сознания, но она вкрадчиво напомнила им о себе, как только они оставили голубой "коттедж" с живыми изображениями...

Петя остановился с полуприкрытыми глазами.

- Музыка...

- Там... - указал Майгин на крохотную желтую "пагоду" на краю подземного городка.

- Нет... это там, - уверенно ткнул пальцем Берсеньев в сторону белого кубического сооружения.

- Нет... она звучит всюду, - сказал Петя.

Но Майгин уже решительно зашагал вперед, и его спутники поспешили за ним. Молодой геолог, видимо, не ошибся. При приближении к "пагоде" музыка слышалась все более явственно. Геологи два раза обошли странное сооружение с изогнутой крышей, но ни дверей, ни окон не обнаружили.

- "Избушка там на курьих ножках стоит без окон, без дверей..." - сказал Майгин. - Эти музыканты явно избегают публики.

- Андрей Гаврилович, а может быть, окно есть на крыше? - предположил Петя.

- Надо посмотреть. А ну-ка, Петруха...

Майгин переплел пальцы рук и подставил Пете "стремя" из своих ладоней. Студент быстро вскочил и, поднятый Майгиным, уцепился за край крыши. Через минуту он уже карабкался наверху, поминутно сползая.

- Никакого окна! Ничего! - крикнул он сверху. - А музыка здесь еще громче!.. А крыша какая-то тонкая и вибрирует.

- Слезай, - приказал Майгин.

- Может быть, все это сооружение заменяет здесь музыкальный ящик? - предположил Берсеньев.

Все трое посещали в Петербурге концерты, но большими знатоками музыки себя не считали. Однако здесь музыка приковала их внимание. Они не могли сказать, на каких инструментах исполнялась она и слышали ли они ее когда-либо раньше, ясно было одно: звуки, доносившиеся из маленькой "пагоды", прекрасны, торжественны и печальны. Мелодия ее не повторялась, она словно изменялась на лету. Иногда этот полет звуков напоминал одну из симфоний Чайковского, затем - Бетховена, на одну-две минуты он приближался к северной горной музыке Грига и исчезал в неповторимых своеобразных сочетаниях новых звуков.

- Это похоже на "Лунную сонату", - задумчиво собирая и распуская свою бороду, сказал Берсеньев.

- Нет, скорее, это хор... - решил Майгин.

- Это и то, и другое, и еще многое, - почти прошептал Петя.

Он стоял с закрытыми глазами и видел эту невероятную музыку. Она была похожа на оранжевое пламя...

До самого вечера бродили в этот день геологи по подземному городу, сопровождаемые звуками странной, то расцветающей, то умирающей музыки. Им удалось проникнуть в большую часть домиков. Некоторые из них были явно жилого типа. Но были и строения, которые, очевидно, служили не для жилья. В них геологи нашли сложные и непонятные аппараты, предназначенные, видимо, для физических и химических исследований, - какие-то баки, сложные переплетения трубок и проводов, измерительные приборы, панели, утыканные рычагами и кнопками. Осторожный Берсеньев строго-настрого запретил товарищам касаться чего-либо.

Берсеньев и Майгин долго ломали голову, из какого материала сделаны дома, пол, прозрачная сфера и многие другие вещи в этом поселке, но сказать что-либо определенное ни тот, ни другой не мог.

- Нет сомнения, что это не металл, не минерал, не дерево. Может быть, это какие-то искусственные материалы вроде пластической массы, изобретенной недавно американцем Бакеландом, только прочнее во много тысяч раз, - сказал Берсеньев, разглядывая один из изящных шкафчиков, сделанных из материала, напоминающего слоновую кость. - А может быть, и что-либо другое.

Уже к вечеру, устав и проголодавшись, подземные путешественники выбрались на поверхность.

Молча развели они костер, молча приготовили скромный ужин, забрались в большую палатку и молча принялись за еду. Необъяснимое исчезновение Нэнз приглушало остроту впечатлений от первого посещения волшебного города. Да и само это посещение немного разочаровало их. С фактом существования города они уже успели свыкнуться, но от первого его посещения ждали если не полной разгадки этого феномена, то уж, во всяком

случае, чего-то совершенно необычайного. И вот, когда они после стольких усилий проникли наконец внутрь прозрачной сферы, загадка по-прежнему осталась загадкой. Они увидели много непонятного, но не сверхъестественного. Очевидно, все там имело свое объяснение. Не имел объяснения лишь сам этот город: откуда он взялся здесь, в глубине земли, на берегу Тихого океана? Кто, как и когда его создал? Находился ли он когда-нибудь на поверхности земли и только потом был залит лавой и занесен землей или же его с самого начала построили в земле? Населен ли он? Если населен, то кем? И почему его население прячется? Если в нем нет никого, то что случилось с жителями?... Уж не погибли ли они где-нибудь вне города, как погиб человек, скелет которого Майгин и Берсеньев нашли, когда рыли ход к двери?..

Ни на один из этих вопросов ответа не было, и, казалось, ничто не сулило ответы в будущем.

КАРТИНЫ ПРОШЛОГО

Прошло несколько дней. Петя побывал в ламутском стойбище. Отец мальчика приветливо встретил его и стал расспрашивать, как живет в гостях у русских Нэнэ.

- Он очень хорошо живет, - сказал Петя, слегка покраснев. - Он хочет еще погостить у нас, а вам он передал пачку махорки. Он заработал ее, когда помогал рыть шахту.

Ламут с радостью принял табак и обещал навестить сына.

Петя вернулся в лагерь и сказал геологам, что в стойбище мальчика нет. Настроение у всех испортилось, никто не знал, что случилось с Нэнэ, но каждый чувствовал себя в какой-то мере ответственным за судьбу мальчика.

За эти несколько дней геологи уже детально ознакомились с подземным городом, они поняли назначение и устройство некоторых вещей и сооружений в нем. Так, Майгин сделал открытие, что крохотные мотки пленки, вложенные в ящичек из "слоновой кости", издают музыкальные звуки. Но многое оставалось неясным для наших ученых, и самым темным оставался вопрос о происхождении подземного города, а самым загадочным - исчезновение Нэнэ.

Не давали покоя всем троим (особенно студенту) и живые изображения, увиденные в голубом "коттедже", где исчез бесследно маленький ламутенок. Было ясно, что "саркофаги" - это какие-то механизмы, способные воспроизводить раз заданные изображения, ибо каждый раз, когда Петя приближался к "саркофагу" с женщиной, на экране появлялась именно ее лицо. Глаза ее внимательно смотрели и на Петю, и на Майгина, и на Берсеньева, зрачки следили за их движениями, и ресницы распахивались очень широко, когда кто-нибудь из них делал резкое движение или что-то говорил. При этом губы ее не шевелились, а в углах их таилась "улыбка Моны Лизы"...

Петя наконец смирился с тем, что это всего лишь портрет, возникающий каждый раз, когда перед экраном появляется зритель. Этот портрет умел исчезать, и его можно было заставить задержаться на экране усилием мысли (любопытно, что изображение мужчины мысленно вернуть было нельзя).

Петя думал:

"Если я заставляю ее не уходить и смотреть на меня, то почему я не могу таким же способом заставить ее говорить?.."

И он вновь и вновь вызывал образ неведомой женщины, сосредоточенно и напряженно заставлял ее говорить. Однажды ему даже показалось, что губы ее шевельнулись. Но звука он не услышал, а вместо лица на экране замелькали такие же иероглифы, какие всегда появлялись на другом экране попеременно с лицом мужчины...

"Может быть, с помощью этих иероглифов она говорит со мной?" - подумал с волнением юноша. Ему хотелось видеть прекрасную незнакомку, но каждый раз, как он выскакивал из-за "саркофага", на него обрушивался ливень иероглифов: красавица, видимо, была болтлива... Не дождавшись появления на экране изображения, Петя уходил с опустошенным

сердцем.

Однажды Майгин и Петя сидели возле палатки и вели беседу о дальнейшей работе экспедиции.

- Нет, Петя, - говорил Майгин, попыхивая папироской, - ехать сейчас кому-нибудь из нас на материк нет смысла. Мы уже обсудили этот вопрос с Клавдием Владимировичем. Пока поработаем здесь сами. Вот недели через две приедет Ниночка Росс, приедет Венберг, они нам помогут. Попытаемся сделать все, что можно, своими силами. А уж в следующем году прихватим с собой и археологов... Вот ты говоришь: "Ехать!" Но куда?.. Я знаю, что в Чите есть краеведческий музей. Там работает ученый-дальневосточник Кузнецов. Есть полезные люди и в Хабаровске и во Владивостоке. Но до всех этих центров добраться мне или Берсеневу нелегко. Все равно в этом году не обернемся. Думаю, что лучше всего известить их, когда наши партии будут возвращаться в Петербург, а пока будем смотреть и вести записи сами...

- Андрей Гаврилович! Но ведь мы же только геологи, мы ничего не узнаем! - с тревогой сказал Петя.

- Ну что ж, значит, в будущем году какой-нибудь сверхученый археолог приедет сюда из Питера и раскроет тайны этой подземной Тихоокеаниды, - с усмешкой ответил Майгин и стряхнул пепел с папироски. - Вполне возможно, что мы до той поры сами ничего не узнаем. Я уже Берсеневу сказал, что геология здесь абсолютно ни при чем. Вот, - сердито сказал Майгин, указывая на стеклянный шар, найденный подле скелета, - кажется, чего проще: открой этот шарик, загляни в него и отгадай, что он собой являет. Так черта с два! Я его уже неделю верчу, и ни с места! Даже не узнал, открывается ли он вообще. Я сегодня до того дошел, что этот впаянный в него "гривенник" хотел гвоздем выбить, - Майгин ткнул папиросой в закрытое круглой металлической пластиной отверстие и вдруг умолк на полуслове, пристально глядя на непроницаемый шар...

- Что это? - спросил Петя.

Шар гудел. Он гудел и жужжал совершенно так же, как гудит муха, запутавшаяся в паутине.

- Гудит!.. - с изумлением сказал Майгин.

- Это у него внутри гудит... - испуганно произнес Петя и отодвинулся от шара.

Майгин протянул было руку, но дотронуться до шара не решился. Сердитое гудение все усиливалось. Петя вскочил и отошел в сторону.

- Уходите, Андрей Гаврилович! Быть беде!..

- Спокойно, Петя!

Майгин все глядел настороженно на гудящий шар и вдруг увидел, что от его матовой поверхности поднимаются дрожащие волны серого плотного тумана.

- Смотрите! Что это? - крикнул Петя.

Майгин поднял голову. Петя был едва виден в серебристом мареве.

- Я плохо вижу вас, Андрей Гаврилович! - упавшим голосом сказал Петя. - Вокруг вас крутится какая-то пелена...

- И мне кажется то же самое вокруг тебя, - ответил Майгин.

- Уйдемте, Андрей Гаврилович! Оставьте этот шар!..

Но Майгин схватил Петю за руку и усадил рядом с собой.

- Сиди и молчи... - приказал он.

Между тем гудение превратилось в рев. Странная метаморфоза происходила вокруг Майгина и Пети: светящийся туман, исходивший из шара, заволок все перед их глазами. Затем пелена стала таять, но Майгин не узнавал лагеря: палатки куда-то исчезли, вся местность изменилась. Не было больше кустарника, лес придвинулся совсем близко, вокруг лежали огромные валуны. А вдаль, над кратером мирного, давно потухшего Коронного вулкана, вставало высокое черное облако - "пиния", предвестник близкого извержения.

- Где мы? - спросил Петя, придвигаясь к Майгину.

- Тихо!

Петя оглянулся назад и вскрикнул:

- Город! Наш город...

Майгин повернулся всем корпусом. Город был рядом, на поверхности. Огромный прозрачный купол, как нимб, стоял над ним, и голубые домики казались клочками чистого лазурного неба среди туч. Но вот что было самым поразительным, отчего перехватило дыхание у Майгина и у студента: они увидели людей этого города. Люди стояли перед прозрачной сферой и глядели на дымящийся вулкан. Их было человек тридцать... Это были странные люди, одетые в однообразную жесткую, стального цвета одежду. Их движения были угловаты и неловки, у них были огромные круглые головы без глаз, рта и носа...

Эти люди стояли, сбившись в кучку. Трое из них устанавливали на вбитых в землю столбах какие-то приборы и склонялись над ними круглыми большими головами, похожими на алюминиевые котлы. Один запускал в воздух цветные шары, и те лопались у него над головой...

Наконец один из наблюдающих за приборами неуклюже шагнул вперед и... алюминиевый котел на его плечах откинулся назад... Майгин и Петя поняли, что откинулся шлем "водолазного костюма", в который был облачен этот человек. У него оказалась вполне нормальная голова, украшенная тяжелыми, как бронзовая стружка, кудрями. Пете показалось, что он узнал эту голову... Ну да, он видел ее на экране в том же голубом доме, где видел и "снежную красавицу".

Жесткие доспехи рыжеволосого незнакомца раскрылись, как створки устрицы, и он ступил на траву перед своими товарищами, облаченный в поблескивающую разноцветными огоньками тунику... Он поднял руки и выкрикнул нараспев какую-то фразу...

Видимо, это был сигнал, разрешающий снять защитные костюмы...

Майгин и Петя смотрели во все глаза. Эти странные призраки появились перед ними так же внезапно, как появлялись их живые портреты на экранах "саркофагов". Но призраки ли это?

Странные люди, неведомо откуда появившиеся у подножия Коронной сопки, были все высокого роста, облачены в легкие цветные, лучистые одежды, все без головных уборов. Двигались они плавно и ритмично, словно в сцене из какого-то балета... По новому певучему сигналу вся группа, оставив доспехи, направилась к Майгину и Пете. Стройные, красивые гиганты шли легким шагом, словно скользили над землей. Остался подле города лишь один, тот, что первым снял свой скафандр.

Неожиданно Петя увидел "снежную красавицу". Она подошла к великану с бронзовыми кудрями и приложилась щекой к его щеке. Он улыбнулся, и сейчас же рядом с ним появился юноша, почти мальчик, тоже рыжеволосый, с огромными синими глазами, расширенными словно от любопытства и удивления. "Снежная красавица" положила руку на его плечо... Затем все трое - человек с бронзовыми волосами, женщина и мальчик - исчезли, а из-за большого серого камня, невеста откуда появившегося справа от Майгина и Пети, вышел высокий глазастый человек с величественной осанкой. В руках у него был точно такой же шар, какой лежал сейчас подле Майгина. Послышалась громкая, энергичная музыка, будто кларнет в притихшем оркестре внезапно заиграл... или запел соло почти человеческим голосом...

Местность вокруг стала двоиться. Сквозь серый камень проступили белые пятна лагерных палаток, мутной становилась "пиния" над вулканом; на фоне валунов появился знакомый кустарник... Город под прозрачной сферой, как далекий мираж, таял в воздухе... Через минуту он исчез, и все вокруг приняло прежний вид.

Потрясенные Майгин и Петя несколько мгновений сидели неподвижно. Майгин продолжал крепко сжимать руку студента. Наконец он очнулся и медленно обвел широко раскрытыми глазами знакомую местность. Петя вскочил.

- Что это было, Андрей Гаврилович? Мираж? Я ничего не понимаю...

- А я понимаю, - сказал Майгин и протянул руку к затихшему шарообразному аппарату. - Мы с тобой видели какую-то страничку далекого прошлого, и показал нам ее вот этот шар. Я не мог его открыть, но зато он помог мне открыть кое-что.

Майгин взял в руки и стал вновь, на этот раз уже с большим уважением, разглядывать чудесный аппарат.

- Я не понимаю, как все произошло, но думаю, что это что-то вроде синематографа, только без полотна и очень натурально.

- Значит, вы думаете, что мы с вами видели изображение нашего подземного города, когда он еще был на поверхности? - тихо спросил Петя.

- Я в этом уверен.

- Но это же замечательно! А... как же это случилось? Я все-таки не могу понять, Андрей Гаврилович.

- Не знаю, Петя. Надо подумать, надо все вспомнить, и, может быть, мы найдем ключ к этому чудесному шарiku.

- Я побегу вниз, Андрей Гаврилович. Надо немедленно Клавдию Владимировичу рассказать.

- Беги и приведи его сюда.

Петя помчался к шахте (Берсеньев в это время находился в подземном городе).

Оставшись один, Майгин обошел вокруг место, где они сидели с Петей, тщательно исследуя каждый камешек, каждую травинку. Он хотел узнать, в чем кроется внешняя причина, которая заставила аппарат действовать. Но все было на месте, и ничего лишнего Майгин не обнаружил вблизи.

- Значит, причина кроется где-то здесь, - решил он, садясь на прежнее место рядом с круглым аппаратом.

"Так... Теперь припомним, Андрей Гаврилович, что ты с ним делал в тот момент, когда он начал гудеть".

Майгин вытащил папиросу и закурил.

"Насколько мне помнится, ничего такого особенного я не делал. Я говорил, курил... Стоп! Если мне память не изменяет, я ткнул вот в этот металлический "гривенник" папиросой... Неужели от этого?.. Припомним точно! Я сказал: "Сегодня я до того дошел, что этот гривенник хотел гвоздем выбить..." Или что-то в этом роде. Совершенно верно! И при этом я ткнул вот сюда папиросой... Да-да! Ткнул тлеющей папиросой... И после этого все началось..."

Майгину ужасно захотелось тут же проверить свою догадку. Он уже поднес папиросу к круглой металлической пластинке, но передумал.

"Подожду Клавдия", - решил он и, глубоко затянувшись, выпустил клуб дыма.

Берсеньев, порядком запыхавшись, пришел в сопровождении Пети минуты через три.

- Что случилось, Андрей? - спросил он.

- Мне кажется, мы скоро разгадаем эту подземную загадку, - ответил Майгин.

И он рассказал все.

Берсеньев выслушал его с величайшим вниманием. Внешне он был абсолютно спокоен, лишь глубокие складки на переносице да движение руки, забирающей в горсть и вновь распускающей бороду, выдавали его волнение.

- И знаете, Клавдий Владимирович, я, кажется, нашел ключ к этому шарiku, - сказал Майгин.

- Какой?

- Тлеющий огонек...

- И здесь тлеющий огонек? - удивленно воскликнул Берсеньев.

- Почему "и здесь"? А где еще?

- Пока этот аппарат показывал вам здесь объемный синематограф без полотна, я там, внизу, проделал то же, что когда-то сделал Нэнэ. Я подносил тлеющий уголек к двери в прозрачной сфере, и она то открывалась, то закрывалась.

- Значит, вы камлали? - смеясь, спросил Майгин.

- Камлал. И с не меньшим успехом, чем Нэнэ. Совершенно ясно: на некоторые механизмы в этом городе действует огонь. Когда Петя рассказал, как Нэнэ открыл дверь, я сразу же решил, что на какую-то чувствительную часть замка, наверное, подействовало тепло тлеющего уголька. Но об этой своей догадке умолчал, желая проверить ее. Я проверил, и это оказалось фактом.

- Но почему же открыл дверь огонь тлеющий, а не огонь костра? - спросил Майгин.

- Точно такой же вопрос задал себе и я. Ответ может быть только один: на чувствительные пластинки некоторых механизмов в этом городе

действует лучистая энергия, исходящая от излучающего источника с температурой не выше и не ниже пятисот - шестисот градусов, да и то на известном расстоянии. Иначе говоря, это можно было бы назвать воздействием тепловых лучей спектра - красных и инфракрасных.

- Да, это правдоподобно, - согласился Майгин. - Я долго размахивал перед этим карманным "иллюзионом" тлеющей папироской, и ничего не произошло. Но стоило мне приблизить папиросу к пластинке шара, началось целое светопредставление. А впрочем, не знаю. Я еще не проверял, ждал вас, Клавдий Владимирович.

- Ну что ж, давайте проверим.

- Садитесь, Клавдий Владимирович, вот здесь, рядом со мной, а ты, Петя, с той стороны. - Майгин стряхнул пепел и поднес тлеющую папироску сперва к мутному стеклу аппарата, а затем к пластинке, похожей на гривенник.

Несколько мгновений прошло в напряженном ожидании. Но вот наконец послышалось гудение; оно все усиливалось, и Берсенев увидел, как от стеклянной поверхности аппарата заструилась серебристая пелена... Прошла еще минута, и на месте лагеря возник уже знакомый Майгину и Пете пейзаж - низкий лес, огромные валуны... Только теперь вулкан находился совсем близко, а город под прозрачным куполом - далеко, верстах в двух. "Пиния" над кратером вулкана разрослась, она застилала все небо, и ее с сухим треском пронизывали молнии. Вдруг раздался оглушительный грохот. Казалось, небо над вулканом разорвалось, из кратера вырвались языки пламени, и по склонам его быстро поползли потоки огненной лавы. Мимо оцепеневших от удивления геологов откуда-то пробежала толпа людей в цветных одеждах. Это были те самые люди, которых Майгин и Петя видели в первый раз, но теперь их движения не были ни плавными, ни величественными. Они бежали, спасаясь от огненных потоков. Вот один из них остановился и, схватившись за горло, упал. За ним упали еще несколько. Они задыхались, отравленные вулканическими парами. Петя с тревогой искал среди них "снежную красавицу". Наконец он увидел ее. Она стояла, шатаясь и зажимая нос и рот руками... Еще миг, и она упала ничком, и багровое пламя сомкнулось над нею. Петя ахнул и закрыл глаза.

- Гляди, гляди! - сквозь стиснутые зубы прошептал Майгин.

В десятке шагов от них корчился на земле полуголый рыжеволосый мальчик. Вот он схватился за горло, перевернулся на живот и застыл. Но из облаков пара и дыма выдвинулась огромная фигура, закованная в серый - теперь почерневший - панцирь. Гибкие крючковатые руки тянулись к погибающему мальчику.

Геологи забыли, что видят лишь изображение какой-то драмы, ушедшей в далекие века. Гигант в серых доспехах, идущий вброд через огненную реку, поразил их воображение, оледенил сознание...

Гигант остановился над мальчиком. Еще миг, и доспехи стремительно раскрылись. Геологи узнали златокудрого человека, которого впервые увидели на экране "саркофага". Он поднял мальчика, вставил его ноги в неуклюжие голени доспехов и захлопнул этот удивительный костюм, как футляр, в который вложил драгоценную скрипку... Затем он нагнулся, повозился полминуты у ног чудесного футляра, и тот зашагал прямо в огненную мглу, отрезавшую его от сказочного города...

Майгин даже зубами заскрипел:

- Спас!..

- А сам... - тихо сказал Берсенев.

Человек с бронзовыми волосами оглянулся: лава стремительно катилась на него. Он сделал несколько шагов, волосы на его голове вспыхнули, и он упал...

Геологи даже не заметили, как исчезло страшное видение, и, когда оглянулись вокруг, увидели прежнюю мирную картину своего лагеря. Все было на месте, и надо всем стояла безмятежная тишина.

- Но это совсем не то, Андрей Гаврилович! - воскликнул Петя. - Мы видели другое...

- Да, это совсем не то. Я думаю, что это вторая часть той картины, которую мы видели с тобой, Петя. И нужно сказать, это довольно сильная ее часть.

- Ваш опыт, Андрей, подтвердился, - сказал Берсенев, беря в руки

аппарат и с величайшим вниманием разглядывая его. - Вы правы, это какой-то иллюзионный аппарат, который когда-то, видимо, запечатлел картину извержения вулкана и гибели жителей нашего подземного города. Это было очень давно... Теперь для нас все ясно: город, найденный нами в земле, находился на поверхности, лава залила его, а жители погибли, задохнувшись в ядовитом газе, скорее всего - в углекислоте, выброшенной вулканом.

Петя помотал головой, словно стараясь отогнать от себя страшную картину.

- Какая бессмысленная гибель! - пробормотал он.

- Да... Странно, что извержение застало их так врасплох, - заметил Майгин. - Кстати, как вы думаете, спасся этот мальчик?

- По-видимому, - сказал Берсеньев.

- Тогда где он?

Берсеньев пожал плечами.

- С тех пор прошли века... Он умер, конечно...

- Один, в пустом городе, - сказал Петя. - Должно быть, тоскливо ему было умирать. А может быть, за ним приехали?

- Кто?

- Ну... - Петя неопределенно помахал рукой. - Его соплеменники... Из других городов.

- Не похоже, - сказал Майгин. - Это все твои фантазии, Петушок, насчет "северной цивилизации".

- Кстати, - задумчиво проговорил Берсеньев, - вы заметили, что среди этих людей была только одна женщина?

Петя вскочил.

- А может быть, не все погибли? Может быть, кто-нибудь оставался во время извержения в городе?

- Тогда где они? Город пуст, ты сам видел...

- Но лампы! Как же горят эти лампы под землей, если их никто не зажигает?

- Да, это удивительно... И лампы и многое другое, что мы здесь увидели, - это все загадки, - задумчиво ответил Берсеньев. - А теперь, друзья, идемте в подземный город. Мне кажется, что мы сегодня должны найти Нэнэ. В этом нам помогут такие же шары, найденные нами в комнате с живым портретом "снежной красавицы"...

"МЕТАМОРФОЗА" В ДОМЕ

В доме, где несколько дней назад исчез Нэнэ, по-прежнему на всем лежала печать внезапной, на много веков затянувшейся тишины, и лишь приглушенная музыка тихо шелестела в родниковом воздухе подземного мира.

- Вот, - сказал Майгин и положил на стол шар, найденный в "спальне". - Это точно такая же штука. Держу пари, что и она нам тоже кое-что покажет.

Берсеньев и Петя отошли в сторону, а Майгин раскурил папироску и поднес ее к металлическому "гривеннику". "Метаморфоза" произошла почти мгновенно, и действие ее развернулось тут же, в комнате. По-видимому, аппарат демонстрировал какой-то эпизод, запечатленный в этой самой комнате еще до катастрофы. Все здесь осталось на своем месте, лишь за столом появились новые "троны", и их занимали люди-гиганты, появлявшиеся уже в двух предыдущих "метаморфозах". Теперь их можно было рассмотреть вблизи... И Петя, к величайшей своей радости, узнал среди них прекрасную незнакомку. Она сидела рядом с золотоволосым мужчиной. Они о чем-то говорили, вернее, тихо пели дуэтом какую-то арию, заменяющую им разговор.

Затем женщина встала и направилась к стене. Петя глядел во все глаза. Красавица плыла вокруг стола, улыбаясь каждому из своих друзей, мимо которого проходила, и те, помахивая рукой, произносили одно несложное слово: "Эа". (Петя решил, что это было ее имя.) Сияющее, почти прозрачное, лучистое ее платье струилось от плеч к ногам, как мерцающие волны света.

И Майгин, и Берсеньев, и Петя уже успели привыкнуть к мысли, что они видят "озвученные" объемные изображения, излучаемые волшебными шарообразными аппаратами, но на чем основано действие аппаратов, каким образом воспроизводится объемное изображение в воздухе, они, люди 1913 года, знакомые лишь с плоским экраным немым кинематографом, конечно, понять не могли. Но они ни на секунду не допускали мысли, что видят нечто сверхъестественное. Геологи уже не сомневались, что они столкнулись с какой-то высшей техникой. Не понимали они лишь одного: где и когда, в какие времена могла существовать такая техника, когда жили люди, заснятые в этих объемных картинках, и как могла такая высокая цивилизация остаться неизвестной современной науке...

Тем не менее, отойдя в сторону и не отрывая глаз от чудесного видения, Майгин, Берсеньев и Петя никак не могли освободиться от впечатления, что видят подлинно живых людей - так реальны, так осязаемы были эти призраки прошлого, возникшие за круглым столом в серебристых волнах излучения. Казалось, их можно было потрогать... Петя не выдержал: он вытянул руку вперед и, как лунатик, пошел к прекрасной женщине, скользившей по комнате. Берсеньев и Майгин затаив дыхание следили за ним. Петя подошел к ней... Рука его висела в воздухе, он закрыл глаза от волнения, еще миг, и он коснулся бы плеча чудесной незнакомки, приближавшейся к нему, но она не заметила его и прошла... сквозь него... Вернее, Петя прошел сквозь нее, как проходит неподвижный прибрежный камень сквозь набежавшую волну.

Незнакомка подошла к стене и тихим, мелодичным голоском промурлыкала:

- Уру!.. Уру!.. Ай!..

Часть стены ушла в пол, и в нише геологи увидели какой-то механизм, формой своей напоминающий человека. Совершенно ясно было, что это механизм, но он, словно заправский человек, шагнул вперед на огромных ногах, похожих на составные поршни, и остановился перед Эа.

Эа запела:

- Уру... ао... ао... гай...

Металлический гигант прошел к противоположной стене комнаты и остановился там. Поднялась его трубоподобная рука, и из нее на стену брызнул рубиновый луч.

- Уру, ао гай!

"Уру!.. Это чудовище имеет имя?" - с изумлением глядя на искусственного слугу "снежной красавицы", подумал Петя. Часть стены бесшумно ушла в пол, а на ее месте появилась темная ниша. Уру вошел в нишу, там вспыхнул яркий свет, затем пол ниши стал опускаться, и механический человек уплыл куда-то вниз. Когда котел, заменявший голову Уру, скрылся, Майгин подбежал, чтобы заглянуть в нишу, но больно стукнулся лбом о стену.

- Осторожно, Андрей! - сказал Берсеньев. - Вы расшибете себе лоб...

Майгин расхохотался:

- Анафема! Это так натурально!

А Петя между тем зачарованно смотрел на живые изображения обитателей таинственного мира. Несомненно, они разговаривали, эти молодые боги в образе людей, так трагически погибшие потом при извержении вулкана. Но то была не привычная нашему уху речь, скорее это походило и на пение и на музыку одновременно. "Опера!" - мелькнуло в голове у студента. Да, что-то оперное, что-то величественное было во всем внешнем облике этих прекрасных существ, в их певучем говоре, плавных жестах. Петя и его друзья стали разглядывать одежду сидевших за столом людей и обнаружили, что это вовсе не ткань, а игра цветных лучей, посылаемых набором разноцветных шариков, которые каждый носил на шее, как ожерелье... Лучистая одежда как бы струилась и циркулировала вдоль их красивых удлинённых тел. Здесь было пять мужчин, шестой была Эа...

Панель стены, где скрылся Уру, вновь ушла вниз, и из освещенного люка вынырнула сперва котлообразная голова, а затем и весь металлический великан. В "руках" он держал большое хрустальное блюдо, наполненное лепешками, разноцветными, как букет полевых цветов, и прозрачную чашу, похожую на греческую вазу, с жидкостью яркого

пунцового цвета. Плавным движением поставил он вазу и блюдо на стол. "Снежная красавица" радостно улыбнулась и пропела короткую музыкальную фразу, что-то вроде: "А-о!.." Мужчины одобрительно закивали головами и протянули руки к букету лепешек...

Но тут серебристое излучение вокруг иллюзионного аппарата стало меркнуть, и вскоре чудесные призраки исчезли совсем.

Петя бросился к Майгину и схватил его за руку:

- Андрей Гаврилович! Вы видели? Это была она!

- "Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты". - Майгин взглянул на Берсеньева: - Что вы скажете об этой опере, Клавдий Владимирович?

Берсеньев подошел к столу.

- Если виденная нами сцена была когда-то запечатлена иллюзионным аппаратом в этой комнате, то здесь есть ход в подвал, а в другом месте - ниша с металлическим человеком.

- Андрей Гаврилович, а помните, мы вот здесь на полу нашли жестянку с углями, брошенную Нэнэ?

- Да! И как раз в этом месте исчезли следы мальчика...

Друзья вооружились папиросами и, раскурив их, стали обшаривать стену, тыкая всюду тлеющими огоньками. Внезапно часть стены отделилась и медленно ушла в пол: произошло то же, что они видели во время последней "метаморфозы". Перед ними была темная ниша, и Майгин, уже не опасаясь стукнуться лбом о стену, заглянул в нее. Сейчас же потолок и стены ее осветились. Майгин отодвинулся назад, и свет погас.

- Игра с огнем! - в восторге воскликнул молодой геолог. - Тысяча и одна ночь!

Берсеньев внимательно смотрел, напряженно думал и наконец сказал:

- Полагаю, тут мы имеем дело все с тем же тепловым устройством...

Мы ведь тоже излучаем какую-то невидимую энергию. Скорее всего, она и включает здесь свет. Она же и на экраны с живыми портретами действует... А впрочем, может быть, это и не так... Не знаю...

- Так или не так, но нам надо проделать то же, что проделала белокурая красавица... - сказал Майгин и усмехнулся. - Мы сейчас не больше как обезьяны, повторяющие все манипуляции изучающего их зоолога...

- Надо спуститься вниз, - резюмировал Берсеньев.

Петя снова заглянул в нишу.

- Если это электрический лифт, то где же кнопки?

Но Майгин уже принял решение:

- Надо поискать. Подземный замок мы нашли, привидения в нем уже видели, потайную дверь и подземный ход обнаружили. Все происходит, как в средневековых рыцарских романах. Будем же бесстрашными рыцарями до конца и спустимся в это мрачное подземелье.

- Я спущусь первым, - решительно объявил Петя.

- Пожалуйста! - согласился Майгин. - Но прежде надо найти таинственную кнопку...

Он сделал шаг вперед, ниша вновь осветилась ярким фосфоресцирующим огнем, и едва Майгин ступил на пол ниши, как стал медленно опускаться. Петя хотел прыгнуть вслед за Майгиным, но Берсеньев удержал его за руку... Наклонившись, они молча следили за молодым геологом.

Майгин спустился на глубину примерно трех саженей, затем "лифт" остановился. Оглянувшись, он увидел себя в большой комнате со множеством полок, уставленных какими-то ящиками. Майгин вышел из "лифта" и пошел вдоль полок. Выдвинув один из ящиков, он увидел в нем разноцветные лепешки, точно такие же, какие вынес отсюда железный Уру.

- Андрей Гаврилович! - окликнул его сверху Петя.

- Огей! - откликнулся Майгин.

- Ну, что там?

- Большая комната! Это, наверное, продовольственный склад.

Лепешки какие-то в ящиках!

- А Нэнэ там нет?

- Никого нет! Но тут дальше еще есть комната! Я сейчас!.. - донеслось уже глухо откуда-то издали.

Майгин, видимо, удалялся.

Прошли две томительные минуты, потом еще две, потом пять минут... Снизу не доносилось ни звука.

- Андрей Гаврилович! - позвал Петя.

- Андрей! - загудел Берсеньев, склонившись над люком.

Никто не отзывался.

- Клавдий Владимирович! С ним что-то случилось! Надо достать веревку, я спущусь вниз... Мы должны ему помочь, - волнуясь, сказал Петя.

- Не думаю, чтобы здесь была какая-то ловушка, - возразил Берсеньев. - Может быть, там длинные переходы. Андрей, наверное, ищет мальчика.

- А вдруг он заблудился?

- Тогда спустимся мы. А пока подождем.

Прошло еще минут пятнадцать, в течение которых Петя пятнадцать раз порывался прыгнуть вниз. Берсеньев удерживал его. Наконец послышались далекие голоса. Именно голоса, а не один голос. Кто-то разговаривал внизу, приближаясь к люку. Тут даже спокойный Берсеньев не выдержал и, нагнувшись над люком, закричал:

- Андрей! Это вы, Андрей?

- Ого-го! - донеслось снизу. - Это-о мы-ы!

- Нэнэ! - крикнул Петя и так стремительно сунулся в нишу, что не свалился вниз только благодаря Берсеньеву, вовремя схватившему его за куртку.

- Ого-го! - донесся снизу уже ясно и отчетливо голос Майгина.

- Ого-го! - повторил за ним звонкий мальчишеский голос.

И в ту же минуту Берсеньев с Петей увидели внизу Майгина, а рядом с ним маленького ламута. Нэнэ вертел головой, заглядывая вверх, и скалил зубы.

- Жив, чертенок! Вот он! - крикнул Майгин. - Но как тут эта штука вверх поднимается? Понятия не имею.

Он ступил на площадку "лифта" и вдруг заметил, что она сама очень медленно поползла вверх.

- Нэнэ! Сюда! - крикнул Майгин.

Схватив за руку мальчика, он едва успел втащить его к себе.

Когда они поднялись вверх и Петя от избытка чувств заключил Нэнэ в объятия, Майгин сказал:

- Да, далеко он запрятался. Если бы не призраки хозяев этого дома, черта с два мы нашли бы его.

- Но у него чудесный вид! - сказал Петя. - А я думал, что он уже давно с голоду умер.

- А зачем ему было умирать, если он попал как мышонок в головку сыра! Там харчей лет на двадцать хватит, - смеясь, сказал Майгин, похлопывая Нэнэ по щеке, когда-то бледной и дряблой, а сейчас пухлой и румяной. - Ишь, какую рожу нажил на чужих хлебах, поросенок!

Майгин вывернул карманы у Нэнэ, и оттуда посыпались разноцветные кубики и шарики, похожие на конфеты.

- Мой сахар! - крикнул Нэнэ и, отстранив руку Майгина, принялся собирать с полу свое лакомство.

- Карош сахар... Кушай, - сказал он, протягивая Пете "конфету".

Петя нерешительно взял ее и стал разглядывать.

- Это что, конфеты? - удивленно спросил он.

- Не знаю, - сказал Майгин. - Если это даже и конфеты, то Нэнэ они, во всяком случае, спасли от голодной...

Он не закончил фразы. Берсеньев крепко сжал его руку. Майгин оглянулся. На пороге комнаты стоял высокий человек весьма дикой наружности, с тяжелым охотничьим ружьем за спиной.

ОХОТНИК С ИНТЕГРАЛАМИ

Высокий человек с ружьем молча разглядывал геологов и маленького ламута. Взгляд его блестящих черных глаз был холоден, жесток.

- Кто вы такие? - резким, хрипловатым голосом спросил он.

В первое мгновение всем, даже Нэнэ, показалось, что перед ними

хозяин дома, в который они непрошенно вторглись, - так властно и нетерпеливо прозвучал вопрос.

Майгин переглянулся с Берсеньевым и сказал:

- Мы петербургские геологи. Случайно обнаружили в земле этот... город и вот... изучаем его.

Наступила небольшая пауза, в течение которой геологи уже спокойнее и внимательнее оглядели незнакомца. На нем был кожаный, порядком изодранный костюм, высокие охотничьи сапоги и широкополая грязная шляпа. Тяжелый пояс-патронташ чуть отвисал на животе, за плечами висел рюкзак. Человек этот давно не брился и зарос до глаз клочковатой рыжей бородой. У него было худое, изможденное лицо и горящие нездоровым, нервным блеском глубоко запавшие глаза.

Неожиданно он улыбнулся.

- Так это вы? - сказал он. - Я слышал, что здесь у Коронной сопки работает геологическая партия. Я ведь вас искал...

Он подошел и пожал руку Берсеньеву, Майгину и Пете и ласково потрепал по щеке Нэнэ.

- ...Но я не ожидал, что найду вас... - он оглянулся, - в такой необычайной обстановке.

- А с кем мы имеем честь? - спросил Берсеньев.

Незнакомец неловко поклонился и отрекомендовался:

- Константинов. Охотник. Направлялся на собственном боте к Командорам. На траверзе мыса Олютинского шторм разбил о камни мой бот в щепки. На шлюпке я добрался до берега, а затем с ламутами и до вас... Думаю до ближайшего порта шествовать посуху, - помолчав, добавил он.

Берсеньев и Майгин переглянулись: этот неожиданный гость не входил в их планы и сулил в ближайшем будущем нашествие на чудесный город начальства, праздных любопытствующих обывателей, а может быть, даже и жуликов. А они уже полюбили этот город и шаг за шагом открывали все новые страницы в его тайне.

- Но я все-таки не понимаю, - шумно заговорил охотник и зашагал по комнате, с удивлением разглядывая мебель и светящиеся стены. - Вы говорите, что обнаружили этот город в земле. Каким образом? Откуда он тут взялся?..

- Мы дорого дали бы, если бы могли ответить на последний ваш вопрос, - сказал Майгин. - Но... может быть, мы выйдем на свежий воздух, Клавдий Владимирович?..

- Да, поднимемся на поверхность, - согласился Берсеньев. - Раз уж вы побывали здесь, мы принуждены, господин Константинов, многое рассказать вам и кое о чем с вами договориться.

- Отлично! - сказал охотник и, в последний раз окинув взглядом комнату, зашагал впереди всех к выходу.

...В тот же день, сидя у костра подле палатки, они рассказали своему гостю все и показали (к величайшему ужасу Нэнэ) "метаморфозы" шарообразных аппаратов.

Неожиданное вторжение этого странного человека вначале не понравилось Берсеньеву, особенно обескуражило его намерение охотника тотчас же шествовать к югу, в порт. Но Майгин успел ему шепнуть:

- А знаете, он, кажется, неплохой парень. Не балаболка. С ним можно договориться.

Берсеньев согласился с этим: Константинов уже успел внушить ему доверие.

Когда охотник выслушал рассказ Майгина, перебиваемый восторженными репликами Пети, и стал свидетелем давно минувших событий, воспроизведенных "иллюзионом" (так Майгин называл шарообразные аппараты), он долго молчал, устремив взгляд широко раскрытых глаз в тлеющие угли костра. Наконец, вскинув голову и глядя в глаза Майгину, он сказал:

- Вы рассказали и показали мне поразительные вещи. Но я не отвечу вам, что это не укладывается в моей голове. Наоборот, все, что я узнал, хорошо согласуется с... С чем согласуется, разрешите мне пока не говорить вам. Я боюсь, что вы меня примете за сумасшедшего... Я должен проверить одну невероятную мысль, которая пришла мне в голову, когда вы рассказывали...

В эту минуту он был похож на одержимого: лохматый, небритый, с горящими глазами.

- Но, для того чтобы проверить, нужно время, а вы, если не ошибаюсь, собирались вскорости шествовать на юг? - осторожно спросил Берсеньев.

- Нет! - воскликнул он, но спохватился. - То есть я хочу просить у вас разрешения остаться пока здесь, чтобы вместе с вами заняться изучением вашего открытия.

Майгин крепко сжал его руку:

- Мы от души будем рады...

Берсеньев дружески улыбнулся и кивнул головой. Но Петя и Нэнэ не удержались от проявления своих чувств.

Студенту охотник сразу же показался в высшей степени интересным человеком, и, пожимая руку Константинову, он произнес срывающимся голосом:

- Я уверен, что мы вместе с вами разгадаем эту загадку древней северной цивилизации!..

А Нэнэ сунул охотнику в руку конфету из подвалов подземного города и, ослабившись, сказал:

- Кушай... кароши... сахар...

Ночью, когда ложились спать и Константинов ушел в палатку (геологи все еще не решались переехать на жительство в подземный город), Берсеньев тихо сказал Майгину:

- А знаете, Андрей, он совсем не похож на охотника.

- А кто же он, по-вашему? - спросил Майгин.

- Не знаю, кто он, но только не охотник...

...Прошла еще неделя. В течение этих дней Константинов не выходил из подвалов подземного города. Он открыл там какие-то обширные отделения, уставленные машинами и огромными аппаратами. Когда Майгин и Берсеньев однажды спустились к нему, он показался им водолазом, осматривающим заглохшие машины потонувшего корабля. Переходя от одного механизма к другому и поглядывая время от времени в какие-то чертежи, извлеченные им из рюкзака, он записывал что-то и производил сложные вычисления. Заглянув в его блокнот, испещренный математическими формулами, Майгин сказал:

- Ого! Высшая математика...

Константинов строго взглянул на молодого геолога и ответил:

- Да. У меня здесь высшая. Но зато это, - он указал на машины, - математика высочайшая.

Геологи не докучали ему никакими преждевременными расспросами. Они чувствовали, что этот неожиданный пришелец знает о подземном городе что-то такое, чего не знают они, и потому решили запастись терпением и подождать, когда он кончит свои изыскания. Сами они распределили между собой разные объекты в подземном городе и также ежедневно изучали их.

Наконец однажды Константинов объявил, что он закончил изучение механизмов в подвалах города.

- Помните, друзья мои, когда вы в первый раз рассказывали мне историю вашего открытия и показали первые объемные картины иллюзионного аппарата, я сказал вам, что должен проверить одну невероятную мысль. Я закончил проверку. Моя невероятная догадка подтвердилась. И об этом я завтра доложу вам.

- Но почему не сегодня? - спросил Петя.

- Сейчас ночь. Если я вам скажу это сегодня, вы не будете спать.

А спать вам надо. Вон до чего меня бессонные ночи довели, - показал Константинов на свои провалившиеся щеки. - А кроме того, - добавил он улыбаясь, - мне хотелось бы сделать свое сообщение нашему маленькому научному обществу в более торжественной обстановке.

- Согласен! - сказал Майгин.

- Я тоже, - сказал Берсеньев и добавил, лукаво улыбаясь: - Но все же я должен признаться, что первый раз встречаю охотника, таскающего в своей сумке чертежи, знакомого с интегралом Эйлера и с торжественной обстановкой научных обществ.

Константинов рассмеялся странным хриплым смехом, не изменив при этом ни на секунду сурового выражения своего аскетического лица.

- Вы сомневаетесь, Клавдий Владимирович, в том, что я охотник? Напрасно. Я охотник. Только дичь моя не от мира сего. Об этом я тоже расскажу вам завтра. А теперь разрешите пожелать спокойной ночи.

И он направился к своей палатке.

На другой день Берсеньев, Майгин, Петя и Константинов собрались в голубом коттедже с "саркофагами". Петя поставил на круглый стол чаши с пунцовым напитком, конфеты и цветные лепешки, принесенные Нэнэ из подвала дома. Константинов разложил подле себя свои чертежи и блокноты и подождал, пока Майгин и Берсеньев усядутся за стол.

- Если мои коллеги ничего не будут иметь против, - сказал он, - я предложу повестку нашего заседания.

Берсеньев утвердительно кивнул головой. Майгин не выдержал и расхохотался:

- Анафема! До чего же пышно! Настоящая академия. И дальневосточный Дон-Кихот в роли президента подземной научной ассамблеи. Слушайте, Константинов, вы или немножко, или очень много сумасшедший. Но, честное слово, вы мне нравитесь!

- Вы тоже, - улыбаясь, ответил Константинов.

- Сумасшедший?

- Нет. Нравитесь мне. Но мы еще успеем с вами объясниться в любви, милый Майгин. А сейчас приступим к делу. Первым должен выступить наш юноша. - Константинов взглянул на Петю. - Пусть расскажет, что за яства он поставил на этот стол. Потом уважаемый Клавдий Владимирович доложит нам о своих наблюдениях над немеркнущими светилами этого подземного мира, а затем вы, Майгин, расскажете о новых картинах "иллюзиона", виденных вами. Последним доложу уважаемому обществу о своих изысканиях я...

- Хорошо, - начал Петя. - Я скажу. Но вы ешьте, это очень вкусные штучки. Я назвал их "А-о", их так называла женщина, что в "иллюзионе" угощала своих гостей. Запивайте их "витном". Это какой-то очень питательный и освежающий напиток, похожий вкусом на вино. Вот я и дал ему имя "витно", от слова "вита" - жизнь. Конечно, эту еду и питье еще должны исследовать химики, и самое главное - узнать, почему они так долго хранятся и не портятся... Но я убедился, что одной лепешки достаточно, чтобы утолить голод чуть ли не на целый день. Нэнэ за несколько дней, проведенных в подвале, совсем переродился. Вы помните, каким он был? Я сам, например, раньше всегда болел животом, а теперь вот ем эти лепешки, и все как рукой сняло.

- Это что же, слабительное, что ли? - смеясь, спросил Майгин.

- Нет, - смущенно ответил Петя. - Но как-то очень хорошо себя чувствуешь, когда поешь их.

- Все? - спросил Берсеньев.

- Все.

- Доклад слабо обоснован с научной стороны, - резюмировал Майгин, наливая себе стакан пунцового "витна". - Но что делать? Петя не химик. С него взятки гладки.

Константинов отнесся к информации студента очень серьезно.

- И тем не менее он сказал много. Его наблюдения свидетельствуют, что пища и напиток, найденные вами в этом доме, обладают неоценимыми качествами. За вашу счастливую жизнь, юноша!

Константинов поднял стакан и осушил его одним духом.

- Я не мог близко наблюдать светящиеся шары над городом, - начал Берсеньев, - но я воспользовался биноклем и подзорной трубой. Я так же, как и Петя, ничего определенного сказать о предмете моих наблюдений не могу, однако кое-что я понял и кое о чем догадываюсь.

Берсеньев отхлебнул из своего стакана, забрал в горсть бороду и продолжал спокойно и размеренно:

- В шарах светится газ. Непрерывное свечение его поддерживает какой-то неиссякаемый источник энергии. Возможно, что источник энергии здесь один, действует он без проводов, на расстоянии, и питает все механизмы: лампы, белые зеркала "саркофагов", подъемники, двери,

воздухоочистительные машины... Что это за "вечный двигатель"?.. Трудно сказать. Но если уж анализировать здесь все, то, видимо, без фантазии не обойтись... Мне кажется, что "вечное движение" здесь поддерживает какой-то неизвестный нам вид энергии, возможно - внутриатомная энергия. Вот и все, пожалуй.

Константинов кивнул. Глаза его блеснули.

- Вы, Майгин, - повернулся он к молодому геологу.

Майгин неторопливо наполнил свой стакан.

- Я наблюдал при помощи своего и трех других найденных здесь "иллюзионов" разные бытовые сценки, - сказал он. - Все это, видимо, мелкие и непонятные мне делишки бывших жителей подземного города. Одна сцена показалась мне интересной. Дело происходило в обсерватории. Некто, по-видимому астроном, рассматривал звездное небо, но, представьте себе, не в телескоп, а в огромном зеркале. Отсюда, между прочим, вывод: значит, лампы эти они умели гасить, когда город был на поверхности. Иначе как они могли наблюдать ночное небо при таком освещении? - Майгин отпил глоток "витна". - Я астрономии помню только по гимназии, а это очень немного, но мне показалось... В общем, мне кажется, что в этом зеркале отражался не какой-нибудь маленький участок неба, а целое полушарие. Проекция целого полушария небесной сферы. Как будто наблюдение велось с высокой горы или... с воздушного шара.

- Вот! - крикнул Константинов. - Купол неба, наблюдаемый с полета! Спасибо, Майгин! Если у меня и оставалась капля сомнений в моей идее, вы окончательно высушили эту каплю.

Он окинул всех горящим взглядом и сказал, отчеканивая каждое слово:

- Этот город когда-то парил высоко в небе, в темном глубоком звездном небе. Да-да! Это было так. Люди, что жили в нем, построили его не на нашей планете, ибо город этот есть не что иное, как огромный, прекрасно оборудованный межпланетный корабль. Много лет назад люди из какого-то другого, далекого мира прилетели на Землю и погибли здесь во время извержения вулкана. "Иллюзион" показал нам этот трагический момент. Их корабль был залит лавой и засыпан землей...

Он на минуту умолк и взглянул поочередно в глаза каждому из своих слушателей. Изумление, граничащее с испугом, увидел он в глазах студента, тревогу прочел в глазах Майгина и настороженность уловил в глазах Берсеньева.

- Нет, нет, я не сумасшедший, - усмехнулся он. - Отбросьте эту мысль. Вот мои чертежи. Я пятнадцать лет работал над проектом межпланетного корабля, движимого мощными ракетами. Такого же ракетного корабля, на каком мы с вами находимся сейчас...

- Вы Арнаутов! - воскликнул Майгин.

- Да... Я Константин Арнаутов, конструктор ракетного летающего корабля.

- Теперь я понимаю, как вы сюда попали. То есть я догадываюсь...

- тихо сказал геолог.

- Вы не ошиблись, Майгин. Я бежал из Якутского острога. Меня сослали за то, что один высокопоставленный чинуша, затиривший мой проект, умер с перепугу, когда ночью со всех углов загорелся его дом. Загорелся же он по той причине, что в него угодила моя ракета, посланная мною как доказательство моей правоты. Я хотел доказать, что ракеты могут летать и падать туда, куда пошлет их изобретатель... Об этом писали во всех газетах. Меня осудили на десять лет, но я бежал. Я хотел попасть в Америку. Я уже устроился на одно китобойное судно, но шторм разбил его и привел меня сюда. Я благословляю этот шторм и вас, открывших в земле живое воплощение моих замыслов, это доказательство жизненности моей идеи... На каторге я восстановил все свои чертежи, отнятые у меня...

Напряженность, сквозившая в глазах у геологов, таяла. Они вспомнили этого человека, об удивительном проекте и о трагической судьбе которого много слышали пять лет назад.

- Выпейте это, - сказал Петя, подвигая Константинову стакан.

- Спасибо, Петя. Когда вы, Майгин, рассказывали мне о своем открытии, у меня мелькнула лишь смутная догадка. Нет, это была даже не

догадка, не мысль, а какая-то тень мысли: "А что, если..." Даже мне это казалось невероятным. Шутка ли - целый город! Но на другой же день я нашел мощные ракетные камеры в глубоком донном отделении и утвердился в своей мысли. Я осмотрел эти чудесные механизмы, они неизмеримо совершеннее всего, что я знаю о реактивных проектах. Многие, очень многое осталось мне неясным. Я не знаю, например, какой источник энергии питал их в полете, какие силы освобождали эту энергию, но я уже бесповоротно убежден, что мы с вами находимся на звездном корабле, залетевшем к нам из далекого, пока еще неведомого нам мира.

В тот день Берсеньев, Майгин и Петя, до глубины души взволнованные сообщением Арнаутова, ходили словно оглушенные. Если месяц назад реальность подземного города лишь с большим трудом была воспринята их сознанием, то сейчас, когда этот город перестал быть городом и превратился в межзвездный корабль, они были окончательно сбиты с толку.

Но Арнауты говорили так страстно, так убедительно, что невольно хотелось верить. Да и какое иное логическое объяснение, по правде говоря, можно было дать этому чуду в недрах вулканического полуострова на Тихом океане?

Понемногу геологи стали свыкаться с мыслью, что действительно нашли у подножия вулкана залетевший на нашу планету межзвездный корабль. Правда, Берсеньев еще допускал возможность ошибки Арнаутова, но большую долю вероятности он отводил и его "космической" теории. Зато Майгин и Петя поверили в астральное происхождение подземного города безоговорочно, а некоторые сцены, воспроизведенные вновь найденными "иллюзиями", окончательно развеяли всякие сомнения относительно природы подземного города.

Прошло шесть дней после "заседания научного общества", и вот однажды в лагерь пришел запыленный, усталый ламут.

- Ты начальник? - спросил он, обращаясь к Берсеньеву.
- Да, - ответил Берсеньев.
- Тебе письмо.

Ламут подал смятый конверт.

Берсеньев вскрыл письмо и стал читать. Майгин и Петя, присутствовавшие тут же, выжидательно смотрели на него.

- Письмо от Нины Росс, - сказал Берсеньев, передавая письмо Майгину. - Нина, Григорий Николаевич и доктор Васенькин в двух переходах отсюда. Будут здесь послезавтра.

- Вот и отлично! - обрадовался Майгин. - Наконец-то... - Он вдруг озадаченно нахмурился. - Господи, а доктор-то зачем сюда потащился?

- Я, кажется, понимаю, - медленно проговорил Берсеньев.

Геологи переглянулись и расхохотались.

МОЖЕТ ЛИ ЛЕТАТЬ РОЖДЕННЫЙ ПОЛЗАТЬ

Все это время геологи и Арнауты продолжали исследования и поиски. Изобретатель и Майгин погрузились в механические недра города-звездолета, а Берсеньев с Петей занялись "иллюзиями". Нэнэ не отходил от них ни на шаг. "Иллюзии" обнаруживались в самых неожиданных местах: в подвалах, среди приборов в лабораториях, в переплетах странных решетчатых башен, стоявших по периферии города, даже на крышах зданий. Просматривая картину за картиной, Берсеньев однажды наткнулся на любопытную и красивую сцену: Эа, золотоволосый мужчина и мальчик весело плескались в большом овальном, видимо, очень глубоком бассейне. Берсеньев был теперь уверен, что мальчик - его звали Суо - являлся сыном Эа и золотоволосого. Посадив на одно плечо Эа, а на другое - Суо, золотоволосый гигант с необычайной легкостью плыл стоя через бассейн. Посредине бассейна он неожиданно опрокинул подругу и сына в воду, но те сейчас же вынырнули и с веселым смехом снова вскарабкались на его плечи. А на краю бассейна стоял и

бесстрастно взирал на эту возню монументальный Уру. Вдруг смех замолк, бассейн заволокло туманом, и Берсеньев увидел сидящего возле "музыкальной пагоды" одинокого мальчика. Суо плакал. Перед ним возвышался металлический гигант, держа в вытянутой крюкастой лапе тускло отсвечивающий "иллюзион". И Берсеньев догадался, что Суо с помощью Уру воспроизвел сцену, заснятую, когда его отец и мать были еще живы.

Тот же "иллюзион" показал Берсеньеву и Пете еще одну сценку, но главным действующим лицом в ней был уже... Уру. Этот человекоподобный механизм, напоминавший Берсеньеву статую Командора из "Каменного гостя" Пушкина, неожиданно повел себя, как живой человек. Он положил "иллюзион" рядом с окаменевшим от горя Суо и быстро зашагал к "пагоде". Через минуту загремела бодрая, мажорная музыка. Уру вернулся и принялся маршировать перед мальчиком. Музыка напоминала марш. Железный великан энергично передвигал свои трубоподобные ноги, размахивал руками, раскачивался всем своим гладким округлым корпусом... Даже у хладнокровного Берсеньева мурашки побежали по спине при виде этого "танца". Геолог понял, что механический человек именно танцует, причем очевидно, что делает он это без приказа, по собственной "воле". Мальчик сидел в позе бесконечного отчаяния, а железная машина вышагивала возле него, с грохотом притопывая в такт марша металлическими подошвами по блестящему полу. Наконец Суо поднял голову, скорбно взглянул на танцующего механического слугу и тихо произнес:

- Уру... им...

И тотчас же танец Уру прекратился. Механический человек уронил поднятые клешни и застыл неподвижно...

Эта сцена поразила Берсеньева настолько, что он несколько минут не мог прийти в себя. Уже в той картине, где он впервые увидел Уру, Берсеньев решил, что механизм, сооруженный в образе человека, очевидно, реагирует на голоса своих хозяев, а сочетание каких-то звуков означает для него команду к выполнению тех или иных манипуляций. Но в сцене "танца" Уру явно действовал самостоятельно: он как бы понял, что его маленький хозяин убит горем, что необходимо развлечь его, и в качестве развлечения угостил мальчика танцем. Для этой цели железный истукан даже соответствующую музыку включил в "пагоде". Затем уже последовал приказ Суо: "Уру... им..." Видимо, это значило: "Уру, прекрати!" - и гигант перестал танцевать.

"Неужели он соображает? - думал Берсеньев. - Но это же чудовищно! Это противоестественно... Уру только механизм. Как же может он реагировать на одно лишь мрачное настроение человека, да еще при этом самостоятельно включить какой-то музыкальный инструмент, а затем танцевать или даже ритмично маршировать перед живым человеком, не обращая на него никакого внимания?.."

Ответа на свой вопрос Берсеньев не находил, мелькнула лишь неясная мысль о каких-то электрических флюидах, исходящих из мозга человека, переживающего сильное горе, и, видимо, непроизвольно включающих в механизме Уру определенную программу действий, равносильную команде: "Развлекать!" Но эта мысль в представлении Берсеньева ассоциировалась со спиритизмом и прочей чертовщиной, и он отбросил ее.

Как бы то ни было, геологи теперь знали, что Суо спасся во время извержения, что весь остальной экипаж погиб и что мальчик остался один, погребенный вместе со звездным кораблем-городом в потоках лавы. Умер он потом где-то здесь, но останков его найти пока не удавалось. Бесследно исчез вместе с мальчиком и Уру...

Берсеньев инстинктивно чувствовал, что Суо перед смертью укрылся в "музыкальной пагоде". Проникнуть в "пагоду", казалось, не было никакой возможности: ее стены, ее крыша не реагировали ни на тепло, ни на звуки. И тем не менее именно там, вероятно, крылась разгадка исчезновения Суо и Уру, - в этом ни Берсеньев, ни Петя, ни остальные уже не сомневались.

- Но эта музыка? Неужели она звучит уже сотни лет? - сказал как-то Берсеньев.

Арнаутов ответил:

- Я бы не удивился, Клавдий Владимирович. Ведь горят же здесь, под куполом, неугасимые фонари. Я не думаю, что музыку и свет здесь кто-то включил по случаю нашего появления на палубе межпланетного корабля...

Пока Берсеньев с Петей возились с "иллюзионами", Арнауты и Майгин штурмовали машинные отделения корабля-города. Арнауты занялись задачей чрезвычайной важности: выяснить, какие источники энергии питали и питают все многочисленные установки этого чуда техники, начиная с его чудовищно мощных двигателей и кончая осветительными шарами, "музыкальной пагодой", вентиляцией и так далее. Попутно инженер и геолог тщательно исследовали несколько больших аппаратов непонятного назначения, расположенных в помещении рядом с ракетными отсеками. Если ракетные двигатели корабля-города замерли и бездействовали, видимо, уже несколько веков, то эти таинственные аппараты - громадные шкафы с бесчисленными оконцами - явно жили и продолжали какую-то бесшумную, непонятную и бесконечную работу. Доказательством тому служили короткие световые и звуковые сигналы, похожие на работу телеграфа. Заглянув внутрь одного такого шкафа, Арнауты увидели там тысячи тончайших цветных волосков, перепутанных и тянувшихся по всем направлениям. Было ясно, что это провода, которые приводят в действие все сигналы. Но что означали эти сигналы и где находится аккумулятор, который их питает, понять было невозможно...

Утром того дня, когда ламут принес письмо от Нины Росс, между Арнаутовым и Майгиным произошел весьма знаменательный разговор. Арнауты снимали план какого-то сложного устройства в ракетном отсеке, Майгин помогал ему, и вдруг Арнауты, сунув карандаш в карман куртки, спросили:

- Если не ошибаюсь, вы, Майгин, слышали о моем проекте ракетного корабля еще задолго до нашего знакомства?

- Да. Еще до вашего осуждения. Но я, Константин Платонович, по правде сказать, считал ваши идеи столь же осуществимыми, сколь осуществимо второе пришествие господина нашего Иисуса Христа.

- Понятно. Вы незнакомы с их технической стороной и научным обоснованием. У меня не было возможности опубликовать свои труды. Ну, а сейчас?..

- Сейчас, когда я многое узнал, я верю в то, что ваша идея будет осуществлена в самые ближайшие двести или триста лет, - с усмешкой ответил Майгин.

- Через двести-триста лет? - Арнауты впился в глаза собеседника яростным, почти ненавидящим взглядом. - Вот как? А мне казалось, что вы, Майгин, умнее и смелее...

- Что вы, Константин Платонович! - тряхаясь от сдерживаемого хохота, запротестовал Майгин. - Я труслив и глуп, как любой гостинодворский приказчик.

- Я хочу говорить с вами серьезно, Майгин, а вы шутите...

- Извольте, Константин Платонович... Кстати, вы меня не поняли. Я верю в то, что люди будут совершать межпланетные полеты, но это дело не близкого будущего...

- Послушайте, Майгин! - нетерпеливо прервал его Арнауты. - Вы нашли в земле это сооружение. По праву оно принадлежит вам, Берсеньеву и студенту. Но что вы собираетесь с ним делать?

- Не знаю. - Майгин озадаченно почесал затылок. - Ни мне, ни Берсеньеву этот вопрос и в голову не приходил. Пока мы считали его археологическим объектом, мы предполагали передать дальше это дело археологам для изучения. А сейчас... право, не знаю. А вы что предложили бы?

- А я, - не задумываясь, ответил Арнауты, будто только и ждал этого вопроса, - я полетел бы на нем в мировое пространство.

Майгин молчал, внимательно и серьезно глядя в угольные глаза Арнаутова. Наконец, отведя взгляд, он в раздумье сказал:

- А, собственно говоря, что же иное с ним можно сделать, как не полететь на нем? Если это действительно звездный корабль и если он

действительно может взлететь, будучи погребен под модными пластами лавы, туфа, песчаников и прочего...

- Это действительно звездный корабль, и он действительно взлетит, - твердо сказал Арнаут. - А пласты - это чепуха.

- Дай бог! Хотя, откровенно говоря, мне и моим друзьям жалко будет расставаться с этим подземным чудом. Мы привыкли к нему, полюбили его.

- А зачем вам с ним расставаться? - в упор глядя на Майгина, спросил Арнаут.

Молодой геолог с удивлением поднял брови:

- То есть?..

- То есть мы можем полететь все вместе и даже еще кого-нибудь с собой прихватить. Я, например, возьму в полет жену. Я очень люблю ее, и мне тяжело было бы с нею расставаться надолго.

- Лететь?.. Я?.. Вы что, Константин Платонович, шутить изволите?..

- Я не умею шутить! - резко ответил Арнаут, но тут же смягчил тон: - Я понимаю, что оглушил вас своим неожиданным и необычным предложением. Но вы все же подумайте и, когда придете к какому-то решению, ответьте мне.

- А я и думать не стану, - с улыбкой сказал Майгин. - Я из тех, что ползает, Константин Платонович. Я крот, в земле роюсь... Про таких, как я, Максим Горький сказал: "Рожденный ползать летать не может"...

- С вами трудно говорить, Майгин, - холодно сказал Арнаут. - Когда вы чувствуете слабость вашей позиции, вы отшучиваетесь. А между тем вы не шут и не трус. Я успел вас узнать немного... Подумайте над моей идеей, дело стоит того, чтобы над ним задуматься. Смотрите, мы останемся здесь на год, разберемся в механизмах и управлении - не можем быть, чтобы мы не смогли разобратся, - затем вы отправитесь на материк, подберете нескольких подходящих спутников...

- Вот это я могу даже сейчас обещать, - улыбнулся Майгин. - Я думаю, что любителей сильных ощущений вроде вас найти будет можно...

- Но вы подумаете над моим предложением?

- Да на что я вам?

- Я вас спрашиваю, Майгин...

- Экий вы, право!.. Ну хорошо, подумаю, не волнуйтесь.

Два дня слова Арнаутова не выходили у Майгина из головы. Он сердился, смеялся над собой, сто раз отмахивался от этой мысли.

"Да ну его к дьяволу! Дался мне этот полет! Арнаут маньяк, а я голову над его бредом ломаю. Зачем мне лететь в какую-то бездну, к черту на рога? Мне и на земле неплохо. Здесь у меня есть мои пласты, недра, у меня есть родина, которую я люблю... Хватит с меня!.."

Но суровый облик Арнаутова через минуту вставал перед его глазами, и Майгин сам мысленно произносил по своему адресу все то нелестное, что, казалось бы, Арнаут должен был произнести, если бы знал его мысли.

"Трус!.. Обыватель!.. Ты считаешь себя человеком науки?.. Какой же ты ученый, если боишься участвовать в исключительной исторической экспедиции? На Дальний Восток поехал в земле ковыряться, а на большее отважиться не смеешь... "Рожденный ползать летать не может"! А ведь подумать только, что можно было бы увидеть "там"! Как можно обогатить науку!.. Не часто выпадало на долю ученых за все время существования Земли счастье участвовать в подобных экспедициях".

Но тут же, заслоняя Арнаутова, вставал перед Майгиным образ Ниночки Росс, и пыл его остывал.

"Нет! Не могу! Аллах с ними, со звездами и планетами... Да и как это лететь?.. В бездну, на верную смерть, с завязанными глазами... Чепуха!.. А впрочем, я напрасно ломаю себе голову. Совершенно ясно, что даже этот маньяк Арнаут никуда не полетит... Если мы действительно нашли в земле звездный или межпланетный корабль, то его невозможно освободить от многовековых напластований. Для этого нужны большие деньги, тысячи рабочих... Фантастика!.. Но допустим, какой-нибудь Рябушинский раскошелится - мы откапываем корабль... Что дальше?.. Разве Арнаут в силах проникнуть в тайну его управления,

постигнуть секреты его машин? "Останемся здесь на год... Разберемся..." Черта с два ты разберешься, инженер! И за сто лет не разберешься. На что ты рассчитываешь, если сейчас авиаторы летают чуть ли не со скоростью елизаветинской кареты на своих нелепых этажерках? Куда отправишь звездный корабль, если даже поднимешь его, и как будешь управлять им в безвоздушном океане?"

Все эти мысли не давали покоя, будоражили воображение молодого геолога, но они же и успокаивали иногда Майгина: "Никто никуда не полетит, пока человек сам, своими силами, не построит сказочный звездный корабль... А Арнауты? Трудно понять, кто он такой, сумасшедший, чудаки и беспредметный мечтатель? Или - ученый, прокладывающий новые пути в науке? А что, если он разгадает секрет управления загадочными машинами подземного города, что, если вдруг запустит их и, разметав древние пласты лавы и песчаника, взойдет на звездную высь?..." И вновь вспоминались гневные слова Горького: "Рожденный ползать летать не может"... "Неужели я и в самом деле только крот?..."

К концу третьего дня Майгин с сердцем отбросил блокнот, в который записывал под диктовку Арнаутова описания механизмов, и выпалил:

- Ладно. Лечу с вами.

Арнауты радостно улыбнулись. В то же мгновение где-то наверху послышался крик Пети:

- Константин Платонович! Андрей Гаврилович! Где вы? Выходите! Нина приехала!

"ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА"

Майгин, не говоря ни слова, повернулся и побежал к "лифту". Арнауты последовали за ним.

- Кто приехал? - спросил инженер.

- Наши... анадирцы. Нина Росс и Венберг. И еще доктор какой-то... Да вы не беспокойтесь, Константин Платонович, это все свои. Правда, доктора я не знаю... Тоже ссыльный, наверное.

- А я и не беспокоюсь. - Арнауты усмехнулись. - Меня теперь голыми руками не возьмешь... Кстати, Венберг... Это не Григорий ли Николаевич?

- Да, Григорий Николаевич Венберг. Вы его знаете?

- Встречались... - неопределенно сказал Арнауты.

На "верхней палубе" корабля-города их ждал Петя.

- Приехали! - сказал он. - Ниночка загорела, обветрилась...

- Где они? - спросил Майгин.

- Там, в лагере.

Они столкнулись с новоприбывшими у входа в пещеру - тем не терпелось поскорее взглянуть на "подземное чудо". Нина Росс, студентка и однокурсница Пети, тоже практикантка, высокая девушка лет двадцати трех, испуганно отшатнулась, когда из мрачного подземелья к ней с восторженным ревом бросился запыленный, заросший щетиной человек в расстегнутой куртке.

- Господи, Майгин, нельзя же так! - хмурясь и смеясь одновременно, говорила она, пока Майгин, сверкая белыми зубами, тряс ее руки. - У меня даже сердце остановилось...

- Извини, извини, Ниночка... Это я нечаянно. Наконец-то вы приехали! Мы вам здесь такое покажем... Здравствуй, Григорий Николаевич! - Майгин отпустил наконец руки Нины и повернулся к Венбергу, который стоял рядом и с улыбкой глядел на него: - Давай, брат, обнимемся на радостях...

Друзья расцеловались.

- Вот, - продолжал Майгин, - позволь представить тебе Константина Платоновича Арнаутова.

- Арнауты? - Венберг шагнул к инженеру. - Костя! Ты? Глазам не верю!.. Как ты сюда попал?

Несколько лет назад Арнауты и Венберг учились вместе в Петербургском университете. Правда, Арнауты занимался на инженерном,

а Венберг - на геологическом, но жили они в одной комнатухе на Выборгской стороне, делились последней копеейкой, горячо спорили и крепко дружили. Вскоре после окончания университета они потеряли друг друга из виду. Встреча эта была для них поистине неожиданной.

- Вот ты какой стал! - проговорил Венберг, положив руки на плечи инженера и оглядывая его с головы до ног. - Подсох, вытянулся... Не узнаешь ведь. Так ты как здесь?

- Беглый ссыльный, - невесело усмехнулся Арнаутов.

- Да что ты говоришь? За что? Политика?

- Нет, за поджог...

- Ах, да, да, помню... Конечно... Ракеты эти твои, да? Ну ладно, это потом. Познакомься, вот доктор Васенькин Сергей Иванович. Отличнейший человек, рекомендую...

Доктор, маленький сухой человек с чеховской бородкой и в пенсне, поклонился.

- Тоже ссыльный, - сказал он тонким голосом. - Правда, не беглый.

- И тоже за поджог? - не удержался веселый Майгин.

- Нет... За политику. Я социал-демократ.

- Ну хорошо, хорошо, - вмешался Берсеньев. - Господа, будете отдыхать с дороги?

- Какой там отдых! - воскликнул Венберг. - Показывайте нам, что вы нашли...

- Да, да, пожалуйста, Клавдий Владимирович! - подхватила Нина.

Берсеньев оглядел всех, схватился за бороду и сказал:

- Хорошо, друзья. Пойдемте.

У входа в пещеру Майгин схватил Венберга за рукав.

- А доктора зачем сюда притащил? - шепотом спросил он.

- На всякий случай, - сделав страшные глаза, ответил Венберг. Он покосился по сторонам и добавил: - Сергей Иванович умный человек, можешь не беспокоиться. И он здесь не в профессиональном качестве.

Новоприбывшие ночевали в корабле-городе. Но едва ли кто-нибудь из них сомкнул в эту ночь веки. Слишком необычайно было все, что им пришлось увидеть и услышать, - чудесные дома с самооткрывающимися дверями, лаборатории с диковинными приборами, непрерывная тихая музыка, "витно" и цветные лепешки, гигантские недра, заполненные необычайными механизмами, наконец, сцены и живые картины, воспроизводимые "иллюзионами"... Венберг чуть не до смерти перепугался, когда из белого овального зеркала над "саркофагом" на него глянула "снежная красавица", и долго потом стоял оглушенный, осеняя себя мелкими крестиками. Нина откровенно плакала, размазывая по лицу слезы, когда в клубящемся пару и багровых отсветах извержения гибли гордые и прекрасные хозяева города-корабля. Доктор Васенькин метался между "живыми портретами" и сценой танца Уру, хмурился, протирал пенсне и ворчал себе под нос что-то о гальванических токах и о шарлатанстве. Одним словом, новоприбывшие были потрясены и подавлены. Если у них и было какое-то сомнение относительно здравости ума Берсеньева, Майгина и Пети, то с момента, когда они сами перешагнули порог подземного города, это сомнение исчезло. Правда, зато возникли сомнения совсем другого рода...

На следующий день в полдень Берсеньев пригласил всех в здание, расположенное в центре города, - белую красивую постройку, напоминающую по форме сахарную голову. Все собрались в обширном зале с блестящими зеркальными стенами и высоким куполообразным потолком. Слово взял Берсеньев.

- Господа... - сказал он и сейчас же поправился: - Друзья!

Теперь, когда наши "анадырцы" с нами, мы должны совместно обсудить, что нам делать дальше с нашим открытием.

Арнаутов вздрогнул и переглянулся с Майгиным. Майгин подмигнул ему.

- Я и большая часть здесь присутствующих, - продолжал Берсеньев, - убеждены, что мы находимся на звездном или межпланетном корабле, залетевшем на Землю несколько веков назад из мирового пространства.

- Это еще следует доказать, Клавдий Владимирович, - сказал

негромко Венберг.

- Да, - согласился Берсеньев. - Прямых доказательств тому у нас нет, но многое, что мы здесь видим, не допускает другого объяснения. Впрочем, гораздо лучше меня осведомлен в этом наш новый товарищ, господин Арнаут. Может быть, вы выступите, Константин Платонович?

Арнаутов встал и заговорил, глядя на Венберга исподлобья:

- Некоторые из вас, господа, знают, что я являюсь приверженцем идей Циолковского, создавшего теорию ракетного движения. Это единственный вид движения, способный преодолеть земное тяготение и сделать в конце концов реальностью мечту человечества о межпланетных полетах...

- Первый, кто публично высказал эту идею, по-моему, был не Циолковский, а знаменитый французский писатель и дуэлянт Сирано де Бержерак, - насмешливо заметил Венберг. - Правда, его книга "Иной свет, или Империи Луны" была всего лишь шуткой остроумного человека. Французы очень ценят юмор...

- Да, Григорий Николаевич, в эпоху Людовика Четырнадцатого это звучало как шутка, но в наши дни, когда весь ученый мир взбудоражила новая механика Эйнштейна, когда даже политические деятели, например, известный марксист Ленин, пишут о новой физике как о "снимке с гигантски быстрых реальных движений", идея ракетного движения сама становится реальностью... Так вот... как изобретатель ракетных летательных снарядов я здесь тщательно присматривался к механизмам в донной части этого подземного феномена и утвердился в мысли, что передо мной не что иное, как гигантские ракетные камеры... - Арнаутов умолк, пытаясь найти какое-то сравнение, понятное всем. - Сознаюсь, что во время этих своих изысканий я похож был на человека, который когда-то съел вишню и оставил себе для посадки ее косточку. Он никогда не видел вишневого дерева, но однажды, забравшись в чужой сад, он увидел плодовые деревья без плодов и, пожевав лишь один зеленый листок с ближайшего дерева, по особому вкусу листочка понял, что попал в вишневый сад... Это только метафора, конечно... Но, кроме этой "вишневой аргументации", я припас и другие доказательства астрального происхождения этого найденного вашими товарищами подземного города...

- Если бы этот город на наших глазах из подземного превратился бы в надземный и хоть немножко полетел, это было бы самым неопровержимым доказательством его космического происхождения, - лукаво ухмыляясь, сказал Венберг.

- Его надо только от могильной земли освободить, вот тогда увидите, как он полетит, - сердито покраснев, сказал Петя.

Венберг благодушно закивал белесой головой:

- Помогай вам бог! Но, может быть, все это гораздо проще? Может быть, это какая-то неизвестная нам цивилизация? Между прочим, Константин Платонович, не приходила ли тебе в голову мысль, что это просто американский поселок контрабандистов самого новейшего типа?

- Нет!.. - резко ответил Арнаутов.

- Над ним вулканические извержения и напластования многовековой давности, - сказал Берсеньев.

- Но ведь город мог быть создан и в земле, в пещере, в глубине старых пластов, - не сдавался Венберг.

- А гибель людей возле этого же города, но не подземного, а в ту пору еще надземного? - волнуясь, спросила Нина.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь, Ниночка, - Венберг повернулся к девушке.

- Я говорю о живой картине, о метаморфозе "иллюзиона", в которой показан этот момент.

- Ну, Ниночка, этих аттракционов в Америке сейчас сколько угодно.

- Объемных живых картин? - спросил Майгин.

Венберг молчал.

- Константин Платонович, доложите уважаемому обществу о своих наблюдениях над энергетикой подземного города, - обратился к Арнаутову Берсеньев.

- Мы обнаружили здесь множество механизмов, действующих при контакте с источником лучистой энергии, например инфракрасных лучей, - тоном профессионального лектора заговорил Арнаутов. Как это ни

странно, он не был ни взволнован, ни раздражен. - Некоторые аппараты явно реагируют на одно лишь появление, если можно так выразиться, в их "поле зрения" любого живого существа. Здесь раздражителем, очевидно, является изображение. В экспериментах с так называемыми "живыми портретами" мы убедились, что, кроме изображения приближающегося к ним человека, для них импульсом являются еще и какие-то биологические флюиды, исходящие из мозга человеческого, когда человек желает вызвать ту или иную реакцию этих загадочных "портретов".

- Телепатия? - с усмешкой спросил тонким голосом доктор Васенькин.

- Да... что-то в этом духе. Но какие источники энергии питали здесь транспортные двигатели и питают до сих пор осветительную систему и многие другие механические устройства, мы с точностью сказать не можем... - продолжал Арнаут.

- "Питают до сих пор"? То есть уже несколько сотен лет? - быстро спросил Венберг.

- Да... несколько веков, - спокойно подтвердил Арнаут. - ...Мы этого не выяснили. Логически же рассуждая, можно назвать лишь единственный мыслимый источник энергии, который где-то здесь существует, но, видимо, тщательно скрыт, вернее, очень хорошо изолирован. Это энергия какого-то элемента, подобного радию.

- Вы имеете в виду естественное разложение или искусственное расщепление, которого в последние годы усиленно добивается в своих опытах с атомом лорд Резерфорд? - уже серьезно спросил Венберг.

Арнаут на миг отвернулся, и все увидели за его спиной черную (похожую на классную) доску. Арнаут быстрыми ударами мела написал на ней формулу:

$$E = mc^2$$

- Вы знакомы с этой формулой, господа?

Венберг, Майгин и Берсеньев закивали головой.

- Да, конечно, - ответил Берсеньев. - Это знаменитая формула Эйнштейна о пропорциональности между массой любого тела и соответствующей ей энергией. Но при чем тут она?..

- А вот при чем. В прошлом году моя супруга прислала мне интересные материалы о так называемом сольвеевском съезде физиков, происходившем два года назад. На этом съезде вместе с Эйнштейном, Ланжевеном, Лоренцем, Резерфордом и другими светилами современной физики присутствовала молодая женщина, руки которой были обтянуты глухими высокими перчатками. Когда Эйнштейн спросил ее, что с ее руками, она улыбнулась и начертала пальцем в воздухе вот эту формулу... - Арнаут указал на доску. - Она сказала: "Мои руки обожжены лучами радия... Это лучшее доказательство справедливости вашей формулы, господин Эйнштейн, формулы, выражающей действие энергии, которая равна массе, помноженной на квадрат скорости света"... Надеюсь, вы догадались, господа, что женщину эту зовут Мария Кюри... На наших руках и на руках тех чудесных призраков, которых мы видели в картинах "иллюзиона", нет следов неведомой энергии, несомненно питавшей и питающей до сих пор механизмы этого подземно-звездного мира, но мы не сомневаемся, что здесь мы имеем дело именно с такой энергией...

Венберг хотел было сказать: "А доказательств тому у вас все же нет", но передумал и только махнул рукой.

- Но оставим в покое источники энергии, - продолжал Арнаут, словно угадав мысль Венберга. - Перейдем к доказательствам более убедительным. Дело в том, что мы с вами находимся в... обсерватории. Да, да, именно в обсерватории. Только в этой обсерватории нет и не было никаких телескопов... в нашем понимании этого слова. Вот над нами купол-потолок. Давно, когда этот космический корабль был на поверхности земли, и еще раньше, когда он мчался с большой скоростью в мировом пространстве, этот потолок служил зеркалом, на котором появлялось точное изображение небосвода или увеличенное изображение небесных тел. Для наблюдения над светилами, видимо, существовала целая система зеркал, стенных и настольных... Петя, "иллюзионы" с картинами

обсерватории здесь?

- Здесь, Константин Платонович. - Петя положил на стол три шарообразных аппарата.

- Как получал астроном в этой обсерватории изображения небосвода или звезды?... На этот вопрос ответить пока трудно. Но давайте посмотрим некоторые звездные панорамы.

Арнаутов включил первый "иллюзион", и белый куполообразный потолок превратился в глубокий небесный свод. Между Ниной Росс и Майгиным появилось объемное изображение молодого гиганта-астронома в лучистой одежде.

Но глаза всех были обращены к потолку-куполу. Звездная панорама была великолепна. Собственно, это не была панорама в обычном смысле слова. Те, кто ожидал увидеть застывший небесный свод, ошиблись. В чернильной тьме стройным потоком двигались яркие немигающие искры. Казалось, небо быстро поворачивается над головами. И вдруг из-за края черного купола вынырнул большой светлый диск величиной с полную Луну. Но это была не Луна. Диск излучал мягкое зеленоватое сияние и по мере продвижения через купол быстро увеличивался в размерах. Никто не успел как следует разглядеть его - он уже скрылся за противоположным краем купола.

- Что это? - ошеломленно спросила Нина Росс. - Марс? Луна?

- У меня даже голова закружилась, - признался Венберг. - Что это было, Константин?

- Одну минуту, господа, - сказал Арнаутов. - Сейчас это светило появится вновь. Надеюсь, вы узнаете его...

И в ту же секунду из-за края черной бездны вслед за потоком звезд вновь вынырнул край зеленого диска. Но теперь он был огромен, и края его казались туманными, словно размытыми. И он все увеличивался, входя в зенит, пока не заполнил купол целиком.

- Земля! - задыхаясь от волнения, проговорил Васенькин. - Смотрите, вон Африка... И Европа!

Видение исчезло. Вспыхнул свет.

Все молчали. Слова здесь были излишни... Впервые люди Земли увидели свою планету из тысячекилометровой глубины неба, они летели к ней, и планета Земля стремительно приближалась к ним, готовая вот-вот превратиться в землю с маленькой буквы...

На восторженный возглас доктора ответил торжественный, звенящий, как туго натянутая тетива, голос Арнаутова:

- Да, господин Васенькин! Да! Это Земля! И вы - один из первых людей на этой Земле, которые увидели свою планету с борта межпланетного корабля, описывающего вокруг нее спираль, перед тем как сесть. В других метаморфозах "иллюзиона", господа, запечатлен полет над Азией, а затем и плавное причаливание корабля в таежных дебрях...

- Покажите! - потребовала Нина.

- Нет, Нина Семеновна, - отрицательно мотнул лохматой головой Арнаутов, - это зрелище не для всех. Даже у такого крепкого и невозмутимого человека, как Клавдий Владимирович Берсенев, эти картины вызывают головокружение и приступы морской болезни... Конечно, - голос его зазвучал иронией, - господин Венберг и сейчас может доказывать, что он видел "американский аттракцион"... Как ты, Григорий Николаевич?

Венберг молчал.

- Мы верим, Константин Платонович, - сказала Нина. - Но скажите, где находится этот самый "мир иной", откуда прилетел к нам город-корабль?

Арнаутов покачал головой.

- Боюсь, Нина Семеновна, что сейчас мы не сможем ответить вам. Мы не нашли ничего, что могло бы пролить свет на этот вопрос. Если же исходить из данных нашей, земной науки, то родиной строителей этого чудесного корабля может быть хотя бы Марс, где недавно Лоуэлл и Скиапарелли открыли таинственные каналы... или Венера... или даже миры, обращающиеся вокруг неподвижных звезд - далеких солнц...

- Десятки световых лет, - недоверчиво произнес Венберг. - Триллионы триллионов километров...

- А почему бы и нет? - быстро повернулся к нему Арнаутов. -

Позволь мне опять напомнить тебе об Эйнштейне.

- Это ты о сокращении масштабов времени в зависимости от скорости? - поморщился Венберг. - Но ведь это только спекулятивная теория. И потом... Какие же это должны быть скорости!

- А кто тебе сказал, что этот корабль неспособен развивать такие скорости? Вот погоди, дай срок, мы разберемся в его механике и тогда на практике докажем тебе...

Арнаутов умолк на полуслове и сел. Все с недоумением и тревогой уставились на него. Только Майгин сделал вид, что это его нисколько не интересует, и рассеянно глядел в потолок.

- Это как же понять, Константин? - осторожно спросил Венберг. - Ты что, серьезно надеешься поднять этот корабль в небо?

- Да, - коротко сказал Арнаутов.

- Бред! - воскликнул Венберг.

- Почему?

Арнаутов снова поднялся и снова поочередно оглядел всех.

Это была невиданная "научная ассамблея". Тысячелетиями люди мечтали о космических полетах, часто выдавая свои домыслы за подлинную действительность. Большая группа ученых и самоучек изобретала в конце XIX и в начале XX века множество межпланетных и межзвездных кораблей самого различного типа, которые "обязательно" должны были доставить их авторов на Луну и даже значительно дальше. Где-то в заштатном российском городке Калуге неустанно трудился безвестный русский ученый Константин Циолковский, создатель теории ракетного движения, именно такого движения, которому через пятьдесят лет суждено было забросить первые космические ракеты в заатмосферное, а затем и в межпланетное пространство... А здесь, в таежных дебрях Приморья, в самый канун первой мировой войны горсточка людей в фантастическом подземном городе спорила об астральном происхождении подземного феномена и о возможности полета на странном "звездном корабле" в глубины звездного мира...

Мысль о полете в страшное и в то же время манящее мировое пространство поражала воображение. Никто не представлял ясно, что может произойти в таком полете, чем этот полет закончится, но какая-то внутренняя сила влекла и манила каждого в неведомую даль... Нина Росс, Петя Благосветлов, доктор Васенькин глядели на Арнаутова как завороченные. И только скептик Венберг, вынужденный принять очевидность того, что все они в данную минуту находятся на "звездном корабле", назвал мечту о полете на этом корабле в Космос "бредом".

- Почему ты считаешь, что это бред, Григорий? - спросил Арнаутов.

- Прежде всего потому... - Венберг тоже встал и уперся в стол ладонями. - Прежде всего потому, что ты никогда не сможешь разобраться в машинах этого корабля и научиться управлять ими. Я признаю, что этот город-корабль построен не на Земле. Его строили разумные существа, ушедшие в развитии на тысячи лет от нас. Прости меня, но ты на капитанском мостике этого корабля выглядишь так же, как воин Чингиз-хана в будке современного локомотива...

- Это нехорошо... нечестно так говорить!

- Я полечу с вами, Константин Платонович!

Возгласы Нины и Пети прозвучали одновременно. Арнаутов мягко, но с величайшей убежденностью сказал:

- Милый Венберг! Я ни минуты не сомневаюсь, что мы не можем управлять полетом этой маленькой планеты. Это говорит мне логика... Если бы я строил такой корабль, я позаботился бы, чтобы он управлялся сам собой, с помощью определенных приспособлений, которые направят и поведут его в заданную точку мирового пространства... даже если никого из машинистов не останется в живых... Кстати, о вашем воине Чингиз-хана... Я полагаю, что в конце концов он нашел бы нужный рычажок и локомотив отправился бы в путь, куда поведут его рельсы...

- И ты уверен, что найдешь здесь этот самый рычажок?

- Непременно.

- И корабль взвоется в небо и умчится туда, откуда прилетел?

- Обязательно! - без тени сомнения ответил Арнаутов. - И заметь при этом, что никакие древние пласты над нами не удержат наш звездный

корабль, если оживут его двигатели. Он сметет их, сдует, как карточный домик!

Венберг опустил глаза и едва заметно пожал плечами. Воцарилось молчание. Нина Росс и Петя Благодетель сияющими глазами глядели на Арнаутова. Берсеньев задумчиво пропускал бороду через пальцы. Майгин чему-то улыбался, барабанил пальцами по столу. Доктор Васенькин поминутно снимал, протирал и снова водружал на нос пенсне. Он словно порывался сказать что-то, но не решался.

- Ну хорошо, - нарушил наконец молчание Венберг. - Я допускаю, что вы... мы... что ты найдешь этот самый таинственный рычажок и корабль придет в движение. Но каков смысл такого опыта? В чем его идея?

Арнаутов не успел ответить. Внезапно вскочил на ноги доктор Васенькин. Лицо его побледнело, только на запавших щеках горели лихорадочные пятна.

- Величайший смысл! - закричал он пронзительным, тонким голосом. - Вы забываете, Григорий Николаевич, что мы находимся в данную минуту в мире совсем ином, нежели наш земной сегодняшний мир. Это мир нашего будущего! В этом мире человеку облегчают жизнь разумные машины, которые он создает... Здесь, на этом звездном корабле, мы окружены такими таинственными механизмами... Мы их не понимаем, даже, может быть, не видим... А они за нами наблюдают, изучают нас, запоминают все, что мы говорим. Я уверен, что они запечатлевают наши изображения на новых "иллюзиях". И, если этот звездный город вернется на родную планету, разумные машины расскажут о нашей Земле и о нас с вами, друзья мои, не хуже, чем могли бы рассказать сами звездные скитальцы, которые погибли из-за нелепой случайности, из-за неожиданного извержения вулкана...

Участники "научной ассамблеи" невольно оглянулись по сторонам: предположение, что за ними ведется наблюдение с помощью каких-то таинственных механизмов, вызывало чувство настороженности и неловкости. Венберг поежился: "А что, если действительно каждое наше слово записывается, каждое движение запечатлевается в этих странных стенах, в этом загадочном потолке? Кто знает, какие еще сюрпризы запрятаны на фантастическом корабле!"

Васенькин продолжал тихо и ясно:

- Мы не знаем, откуда прилетел корабль - с Марса, с Луны, может быть, с далекого звездного мира, - но мы знаем, что люди этого иного мира живут совсем не так, как мы... Я социал-демократ, марксист, я верю, что час освобождения близок. И я считаю, что мы просто должны лететь туда, к ним, как младшие братья, на выучку и привезти человечеству свидетельство того, как прекрасен мир, который оно когда-нибудь построит... Простите, господа, возможно, я говорю не совсем отчетливо... Одним словом, Константин Платонович, я с вами.

Доктор сел и принялся вновь энергично протирать пенсне. Арнаутов заговорил проникновенно:

- Я всю свою жизнь посвятил идее ракетного космического корабля... Теория Циолковского вдохнула жизнь в мои мечты... Я знал и знаю, что если не я и не Циолковский создадим ракетные корабли, то их создадут люди новой России, нового мира... Но, коль так получилось, что к нам случайно пришла помощь с какой-то далекой планеты, мы должны воспользоваться ею. И воспользоваться ею нужно, чтобы принести человечеству познания и могущество иного мира. Те далекие люди, которых мы видим лишь в картинах "иллюзия", видимо, далеко ушли в своем прогрессе. Когда на наших океанах плавали лишь парусные каравеллы Колумба, а опыты судили Галилея... Если уже тогда и намного ранее эти далекие люди смогли создать подобное чудо техники и совершить на нем полет на Землю, то можно себе представить, как обогатим и двинем вперед нашу науку и технику мы, если благополучно вернемся на Землю через двенадцать - пятнадцать лет... И не только опыт науки сможем позаимствовать мы у них. Доктор прав и трижды прав. А общественное устройство?.. Я не сомневаюсь, что там нет такого социального уродства, как наше российское самодержавие. Разве не важно было бы узнать, какой общественный строй существует у них и как они к нему пришли?.. Я знаю, за годы, необходимые для пути туда и обратно,

жизнь на Земле тоже не будет стоять на одном месте, наука будет развиваться и у нас на Земле, невзирая ни на что. С борьбой, со страданиями человечество все ближе будет подходить и к разумному общественному устройству. Но ведь и там жизнь не стояла сотни лет... Ради такого полета можно было бы отдать жизнь. Но я не верю, что нам придется вообще жертвовать своей жизнью. Большинство из нас - люди молодые, и, если все эти годы пользоваться чудесной жизнеспособной пищей, найденной нами здесь, если дышать чистым, богатым кислородом воздухом, если избавиться от болезнетворных бактерий - а я проверил, такие бактерии здесь не живут, погибают, - то астронавты отлично проживут годы, необходимые для полета. И они обязательно вернутся на Землю. Решайте, господа.

- Я с вами, - сказал Петя.
- Я тоже с вами! - воскликнула Нина Росс. - А вы, Майгин?
- Майгин улыбнулся и кивнул головой:
- Конечно же, Ниночка.
- Если вы сочтете, что я смогу быть вам полезен, - проговорил, волнуясь, доктор Васенькин, - то я тоже полечу с вами.
- А вы, Клавдий Владимирович? - обратился к Берсеневу Арнаут.
- Берсенев покачал головой.
- Я не возражаю против того, чтобы наша находка была использована таким образом, но... Как вы думаете, Константин Платонович, сколько времени займут у вас поиски этого самого... рычажка?
- Не знаю, - честно признался Арнаут. - Может быть, год, может быть, месяц...
- Всю жизнь, - насмешливо сказал Венберг.
- Во всяком случае, это дело терпит. - Берсенев тяжело поднялся с кресла. - Поживем - увидим... А пока, я думаю, следует опять заняться осмотром корабля. Он полон всевозможными тайнами, и мы узнали из них только ничтожную долю.

К ЗВЕЗДАМ?

После "второго заседания научного общества" события развернулись с необыкновенной быстротой. И прежде всего открылась тайна исчезновения Суо и Уру. Произошло это так.

Арнаут, тщательно исследовавший "трюмы" корабля-города, еще неделю назад обнаружил под "музыкальной пагодой" четыре длинных блестящих цилиндра. Видимо, углы "пагоды" опирались на них. Арнаут сообщил об этом Майгину и Берсеневу.

- Полагаю, - сказал он, - что это своеобразные поршни, которые поднимают весь корпус "пагоды". Но каким способом их приводят в действие, я понять не могу...

Звуки, непрерывно струившиеся из-под выгнутой крыши "пагоды", привели Нину в восторг. Она согласилась с Берсеньевым, что эта музыка отдаленно напоминает "Лунную сонату" Бетховена, только оркестрованную.

- Я бы назвала ее "Звездной сонатой", - сказала она, не обращая ни к кому и прислушиваясь к нежному звону неведомого инструмента, зазвучавшему соло.

- Между прочим... - медленно сказал Майгин и замолчал, словно в голову ему пришла какая-то странная мысль.

- Что? - спросила Нина.
- Послушайте, Ниночка, ведь у вас прекрасное грудное контральто.
- Так уж и прекрасное, - улыбнулась Нина.
- Да-да, - Майгин ожесточенно потер лоб, что-то соображая. - Вы знаете, ваш голос очень похож на голос этой снежной красавицы, Эа...
- А ведь и правда! - воскликнул Берсенев.
- Мерси! - Нина сделала реверанс.
- Нет, кроме шуток...
- Я очень польщена, кроме шуток.
- Необыкновенно похож!
- Майгин и Берсенев уставились друг на друга, затем на Нину.
- Дело в том, Ниночка, - сказал Майгин необычайно серьезным

тоном, - что голосу Эа, как мы убедились, просматривая сцены "иллюзионов", здесь повинуются некоторые механизмы... Понимаете?

Нина покачала головой:

- Не понимаю.

Майгин схватил ее под руку.

- Пойдемте ближе к "пагоде", - сказал он.

- А ведь это интереснейшая идея! - проговорил Берсеньев.

Майгин, невзирая на нерешительное сопротивление удивленной Нины, подвел ее вплотную к "пагоде". Берсеньев последовал за ними.

- Пойте! - приказал Майгин.

- Зачем?

- Пойте же, говорят вам!

И Нина запела. Она запела "Нелюдимо наше море", сначала полголоса, а затем, когда внезапно поняла, что задумал Майгин, все громче и громче. И стены "пагоды" дрогнули! Нина закрыла глаза.

- Пойте, пойте, - напряженным шепотом повторял Майгин.

Стены уходили вверх. Вот они вышли из глубоких пазов в "палубе", вот показались под углами верхушки белых столбов... Раздался мелодичный звон, и вот уж "пагода" замерла в воздухе, опираясь, как на сваи, на полутораметровые белые гладкие колонны. Нина замолкла, с восхищением и ужасом глядя на то, что открылось ее взору: перед ней на узком ложе, усталом какой-то легкой пушистой тканью, лежал неподвижно юноша, почти мальчик. Руки его были сложены на груди, глаза закрыты, губы сжаты в скорбной и жалкой гримасе. Белая, как алебастр, кожа казалась матовой, рыжие волосы мертвой волной падали на изголовье.

- Это он... Суо! - одним дыханием произнес Майгин.

- Мертвый... - с болью в голосе сказала Нина.

Но Берсеньев уже оправился от изумления. Он приблизился к ложу и взялся пальцами за запястье бледной, худой руки.

- Жив, - коротко сказал он. - Доктора, быстро!

И никто не заметил металлического гиганта, возвышавшегося у изголовья мальчика. Когда Берсеньев повернулся к Майгину, Уру неожиданно шагнул вперед, и тяжкий удар железной клешни обрушился на плечо пожилого геолога. Берсеньев упал. Громадная нога уже поднялась над ним, но Нина в два прыжка очутилась перед чудовищем и пропела:

- Уру... им!

И Уру застыл на месте. Майгин вытащил оглушенного Берсеньева из-под крыши "пагоды" и оглянулся. К ним уже бежали Венберг и Петя, рысью семенил доктор Васенькин, большими шагами приближался Арнаутов.

- Что случилось? - еще издали закричал Петя.

Но все было понятно и без объяснений. Доктор Васенькин быстро оценил обстановку, попросил Нину отойти в сторону, но быть наготове на случай, если Уру опять "вздумает" помешать, и приказал Пете, Венбергу и Майгину осторожно взять тело Суо и перенести в один из коттеджей. Затем он хотел осмотреть Берсеньева, но тот был уже на ногах. Все двинулись к "голубому коттеджу" - впереди Петя, Венберг и Майгин с телом мальчика, за ними остальные. Шествие замыкал Уру.

- Ниночка, - опасливо косясь через плечо, сказал Берсеньев, - приглядывайте за этим... чудищем. Вы одна только с ним можете справиться.

Нина кивнула и замедлила шаг. Теперь она шла рядом с металлическим гигантом. И она заметила, что в одной клешне был зажат крошечный металлический предмет, от которого тянулась тонкая, как шпагат, прозрачная эластичная трубка. Конец трубки волочился по блестящей "палубе", оставляя на ней тяжелые маслянистые капли...

К вечеру Суо очнулся от своего странного летаргического сна, длившегося бог знает сколько веков.

Доктор Васенькин, тщательно осмотревший его, сделал удивительные открытия. Оказалось, что в груди Суо бились два сердца (одно, видимо, отмирающее, другое - новое, созревшее). Кроме того, слабо прослушивалась пульсация еще одного сердца - рудиментарного, которое, по предположению доктора, в дальнейшем должно было развиваться и

заменить второе сердце... Кожа мальчика была необычайно пористой, способной испарять влагу в больших количествах. Питание организма во время сна осуществлял, вероятно, Уру, нагнетая в жилы спящего какую-то жидкость, состав которой установить не удалось.

Но, очнувшись от летаргии, Суо не проявил к людям ни малейшего интереса. Мало того: когда кто-нибудь приближался к нему, он отворачивался и закрывал глаза. Только Нина и маленький ламут Нэнэ, видимо, пользовались его благоволением. Им он позволил накормить себя и ухаживать за собой, но на все попытки заговорить отвечал лишь едва заметным покачиванием головы. Нина и Нэнэ не отходили от него ни на шаг. А в головах постели Суо неподвижным истуканом встал железный Уру.

- Ничего, - сказал Васенькин. - Теперь он не один, и время его вылечит. Только не надо быть назойливыми. Дайте ему привыкнуть.

Таким образом, надежда воспользоваться помощью "звездного мальчика" для поисков заветного "рычажка", вспыхнувшая было у Арнаутова, так и осталась надеждой. И на другой же день инженер и Майгин вновь погрузились в машинные "трюмы". Берсеньев, Петя и доктор Васенькин с удвоенной энергией принялись за обследование "хозяйственной части" корабля-города. Даже скептик Венберг неожиданно для себя обнаружил, что уверенность в безусловной возможности и необходимости полета к далеким мирам проникла и закрепилась в его сознании. Возможно, его просто потрясло пробуждение одного из "звездных людей".

Двадцать третьего июля 1913 года, через два дня после того, как была открыта тайна "музыкальной пагоды", рано утром Венберг и Петя Благосветлов отправились на Коронное озеро поудить рыбу. Оба они были заядлыми рыболовами и, уезжая на Дальний Восток, не забыли прихватить и свою снасть. При каждом удобном случае они угощали товарищей свежей ухой. По словам ламутов, в Коронном озере водился голец и даже форель, поэтому оба рыболова, встав еще на заре, уложили в саквояж Венберга завтрак, собрали свои удочки и ведерки с наживкой и тронулись в путь тропинкой, как им показал накануне Нэнэ.

До озера было три версты. Они шли не спеша и по дороге вели беседу знатоков - о рыбках, конечно. Но, как это часто бывает, затронув вопрос о мальках, которых просил раздобыть доктор Васенькин, рыболовы перешли на совсем другую тему - о замысле Арнаутова.

- Как странно складывается порой жизнь человека! - задумчиво сказал Венберг, глядя на розовеющие вдаль вершины Корякского хребта. - Думали ли вы, Петя, когда выезжали из Петербурга в эту экспедицию, что вам суждено увидеть здесь, в дичайшей глуши, такие чудеса?

- Я благодарен судьбе за это, Григорий Николаевич, - очень серьезно ответил Петя. - Такой случай, должно быть, выпадает на долю человека раз в тысячу лет... Признаюсь, мне странно, что вы относитесь к этому так... ну, недоверчиво, неблагоприятно, что ли... Ведь это такое дело, о каком только может мечтать человек!

Венберг тихонько засмеялся.

- Милый Петя! Я давно знаю Арнаутова, знаю, какой он одержимый, фанатик, и, кроме того, я, в отличие от всех, слишком хорошо представляю себе, какие невероятные трудности и опасности нужно преодолеть, чтобы осуществить ваш замысел. Я уж не говорю о том, что Арнаутову и нашему добрейшему Майгину, возможно, придется всю жизнь потратить на разгадку секрета двигателя корабля. Ну хорошо, допустим, они нашли этот самый рычажок и повернули его. Если даже город-корабль не треснет и не расплывется, как пустой орех, зажатый между исполинской тяжестью лавы и чудовищным, наверное, давлением реактивных газов, если все не погибнет в то же мгновение от страшных толчков, что ждет вас там, в безвоздушном океане? Сколько лет, десятилетий, столетий будет нестись этот корабль в черной пустоте? А в нем - либо ваши трупы, либо...

- Все это, конечно, может быть, - перебил его Петя. - Но я думаю, и все думают, Григорий Николаевич, что рискнуть стоит. Это большое, замечательное дело!

- Послушайте, Петя, - искоса поглядывая на хмурого юношу,

шагающего рядом, сказал Венберг, - разрешите задать вам один вопрос.

- Пожалуйста, спрашивайте, Григорий Николаевич.

- Неужели вам ни капельки не жалко расставаться со всем здесь, на Земле, что вы любите и что вас любит? С отцом, с сестрой, с вашей невестой - у вас есть невеста, Петя?

- Нет, - покраснев, ответил студент, - невесты нет. Да и не в этом дело. Конечно, жалко. Отец будет... Хотя не знаю. Я еще съезжу домой и поговорю с ним. Но я думаю... надеюсь, во всяком случае, что он благословит меня на такое дело. Да и чем я хуже других? Хуже Нины, например...

- Нина любит Майгина, - грустно сказал Венберг. - Она пойдет за ним всюду. Вы еще не знаете, что это за сила - любовь...

Некоторое время они шли молча.

- Ну, вот мы и пришли, кажется, - проговорил Венберг. -

Прекрасное озеро. Красивая и дикая природа... но наша, земная.

Они разошлись по берегу в стороны и стали выбирать удобные места.

Вероятно, они просидели над удочками часа два. Солнце взойшло уже довольно высоко. Очередной голец утопил поплавок у Венберга, и геолог осторожно потянул леску, когда земля под ним внезапно сдвинулась. Глухой подземный гул прокатился над озером. Вода в нем взметнулась и обдала берег брызгами и пеной. Венберг вскочил, растерянно оглядываясь.

- Землетрясение! - раздался крик Пети.

Второй подземный толчок, гораздо более сильный, чем первый, сбил Венберга с ног. Треск и грохот разрываемой почвы ударил в уши, земля вздыбилась. Лежа, Венберг видел, как к нему, шатаясь и спотыкаясь, бежит Петя. И снова раздался раздирающий уши грохот. Ослепительный блеск, более яркий, чем солнце, озарил все вокруг.

- Смотрите! - взвизгнул Петя.

Венберг с трудом приподнялся и сел. В той стороне, где был подземный город, заслоняя угрюмый серый конус Коронной сопки, вставал колоссальный столб багрового пламени. У его подножия быстро громоздились клубы черного и белого дыма.

- Арнаутов, Майгин!.. Нина!

Венберг встал на четвереньки, затем выпрямился и побежал, спотыкаясь и размахивая руками. Петя догнал его и схватил за рукав:

- Куда вы?

- Туда! Пустите! Нина!

- Опомнитесь! - крикнул Петя ему в ухо. - Ведь там...

Новый взрыв не дал ему договорить. Клуб раскаленного добела пламени появился на месте огненного столба и стремительно ушел в небо. Пронзительный скрежещущий вой пронесся в воздухе. Венберг не раз наблюдал взрывы и первые выбросы "пробки" из кратеров вулканов, но никогда ему не приходилось видеть, чтобы раскаленные газы взлетали так высоко. И все это произошло там, возле подземного города или даже под ним... Там, где была Нина, где были друзья... Отчаяние и сознание полного своего бессилия сковали Венберга. Он не мог глядеть на страшную трагедию, разыгравшуюся в трех верстах от него и буквально у него на глазах...

Через полчаса все затихло. Тогда Венберг и Петя пошли к сопке. На том месте, где был подземный город, зияла огромная воронка, настоящая пропасть, на дне которой что-то еще дымилось и хлопотало. Они ходили вокруг, надеясь отыскать хоть обломок, хоть осколок прозрачного купола, но ничего не нашли. Город словно испарился, распался на атомы. Все вокруг было искромсано и разворочено.

Что случилось с колонией, поселившейся в корабле-городе? Успели ли они выбежать до взрыва? Или... Может быть, воин Чингиз-хана все же нащупал случайно нужный рычажок в будке локомотива?

Наступил вечер. Измученные, оборванные, голодные сидели Петя и Венберг у костра. Венберг неподвижными глазами глядел в огонь, и ему виделось, как непреодолимый напор вулканических газов мнет, плавит, давит, разбрасывает оболочку звездного города, как гибнут в пожирающем пламени люди... Нина... Но тут же, заслоняя это видение, перед ним всплыл образ Арнаутова, когда он уверенно говорил: "...в конце концов он нашел бы нужный рычажок и локомотив отправился бы в путь, куда

поведут его рельсы..." И, словно в ответ на его мысли, Петя вдруг сказал вслух:

- Может быть, они все же улетели туда, в "мир иной"?
- Венберг поглядел на него запавшими от усталости глазами.
- Все может быть, Петя, - сказал он. - Все может быть...

ЭПИЛОГ

Вот что рассказал мне милейший Григорий Николаевич Венберг. Я не мог не верить ему - очень уж логично и последовательно воспроизвел он историю открытия удивительного подземного города. Он не просто рассказывал: он подробно, любовно, я бы даже сказал - вдохновенно описывал все детали этой странной истории. Он помнил множество подробностей, а его рассказ о "живых портретах" и о других чудесах корабля-города поразил меня не только фантастичностью, но и точностью описания. Так мог рассказывать только человек, видевший все это своими глазами. И все-таки... все-таки все это очень странно.

Замечу, кстати, что зауряд-прапорщик Петр Благодетель погиб в 1915 году при наступлении Брусилова.

Возможно, мои скромные литературные способности не позволили мне полностью воспроизвести портреты действующих лиц - какого-то ныне забытого "ракетного конструктора" Арнаутова, богатыря-геолога Майгина и других, - но, когда Григорий Николаевич рассказывал мне о них, я ясно представил себе каждого.

Что произошло на звездном корабле в то памятное июльское утро? Григорий Николаевич выдвигал несколько предположений. Вероятно, Арнаутов, как обычно, спустился в "трюм" и вместе с Майгиным принялся за изучение машин и механизмов. Где-то в рубке управления он случайно повернул какой-то рычаг или нажал какую-то кнопку... Или, может быть (кто знает?), Суо стряхнул с себя подавленность и горе и решил сам повести корабль обратно на свою далекую родину... Или... Может быть, действительно произошло извержение, которое на этот раз погубило чудесный корабль... Все может быть, как сказал Григорий Николаевич.

Я решил подробно записать рассказ Венберга и, как читатель видит, выполнил свое решение. Запуск космических советских ракет и близкий полет человека на Луну придали мне уверенность, что история, поведанная мне старым геологом, может заинтересовать читателей. Вот почему я не только сделал эту запись, но и опубликовал ее...

Я, автор этой записи, слабо верю в то, что какие-то люди в 1913 году улетели на звездолете в мировое пространство. И все же должен сознаться, что все чаще и чаще задумываюсь над этой фантастической историей, все чаще ловлю себя на очень странных размышлениях. Я думаю:

"А что, если это все правда?... Что, если неистовый последователь Циолковского Константин Арнаутов все же поднял ввысь волшебный звездолет и вместе со своими спутниками мчится сейчас сквозь бездну мирового пространства к какому-то чудесному "миру далеких людей" или уже давно долетел до него?... У нас нет с ними радиосвязи? Но у нас ее нет и ни с одним небесным телом, населенным разумными существами. Следует ли отсюда, что таких населенных миров во Вселенной нет?..."

Мое воображение иногда ясно рисует мне необычайные события. Я постараюсь описать их. Я вижу, как в темном небе астрономы Земли находят крохотную новую звездочку, не обозначенную ни в одном атласе неба... Звездочка перемещается и буквально на глазах у пораженных наблюдателей изменяет свою величину. Проходят сутки, другие, третьи, звездочка разгорается все ярче и ярче, пока наконец не превращается в гигантский спутник Земли, который никто не запускал с нашей планеты...

Миллионы людей невооруженным глазом видят "новую луну", так неожиданно явившуюся к нам из глубин Вселенной... В мощные телескопы астрономы уже разглядели, что это не небесное тело, а искусственное сооружение, формой своей напоминающее плосковыпуклую чечевицу, окруженную соплами ракет...

Наконец звездолет на очень замедленной скорости плавно планирует над Землей и идет на посадку... И вот уже жители целинных земель

Казахстана или Алтая видят, как над их полями парит величественный "звездный город"...

Воображение! Оно может быть и предателем и другом... Здесь оно оказывается другом и, не терзая меня медленным огнем, переносит на Внуковский аэродром, куда уже доставил пассажиров звездолета земной гигант "ТУ-114"... Здесь я сразу же узнаю Константина Арнаутова (мне кажется, я мог бы узнать его, даже увидев на встречной лестнице эскалатора московского метро). Он совсем не изменился и не постарел (как знать, может быть "там" люди живут тысячелетия и сорок пять лет для них то же, что для нас сорок пять дней?). Он все так же внешне похож на капитана Немо, но подобный зарницам блеск его черных глаз говорит о неугасимом пламени беспокойного сердца и о том, что глаза его видели жизнь, похожую на наше прекрасное будущее...

Здесь же я вижу и моего чудесного Григория Николаевича Венберга. Он приник к плечу Арнаутова, и по морщинам его лица катятся слезы радости...

Все это я вижу с закрытыми глазами. Но вдруг я открываю глаза, и старый геолог уже не в объятиях Арнаутова, а в моей комнате, стоит передо мной. Он говорит:

- Пусть даже они не вернуться, пусть... Но теперь я верю, что когда-нибудь мы сами полетим к ним. Где бы они ни были!